

РУСКИЕ

ВЪ СВОИХЪ

ПОСЛОВИЦАХЪ.

РАЗСУЖДЕНИЯ И ИЗСЛѢДОВАНИЯ О РУСКИХЪ ПОСЛОВИЦАХЪ И ПОГОВОРКАХЪ.

И. Снегирева.

~~~~~  
КНИЖКА П.  
~~~~~

Старинная пословица не мимо молвится.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 3 1.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечатаніи предста-
влены были въ Цензурный Комитетъ три
экземпляра. Москва, 1831 года Іюля 12 дня.

*Заслуженный Профессоръ, Цензоръ, Стат-
скій Советникъ и Кавалеръ Левъ Цѣтмаевъ.*

О ПОСЛОВИЦАХЪ РУСКИХЪ.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е І

Антропологическія.

А. Касающіяся до естественныхъ причинъ различія народовъ.

Народность при единствѣ человѣчества имѣетъ свои отличительныя черты, столь глубоко проведенныя природой и духомъ народнымъ въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и языкѣ, что хотя многое въ теченіи времени и измѣняюща, но всегда нѣчто остается неизмѣннымъ. Не останавливаясь на общемъ сходствѣ и сродствѣ народовъ, обратимся къ различіямъ въ Рускомъ народѣ, который въ своихъ поговоркахъ и пословицахъ высказываетъ самъ себя живѣе и сильнѣе, нежели всѣ описанія постороннихъ наблюдателей; ибо въ

нихъ онъ говоришь о своемъ климатѣ, о любимой и сродной ему пищѣ, о естественныхъ и нравственныхъ наклонностяхъ, происходящихъ отъ его шло-сложенія и воспанія — говоришь о нравахъ и нравственности своей. Но какъ всѣ сіи обстоятельство выспъ съ другими составляютъ внѣшнія и внутреннія причины различія народовъ, болѣе или менѣе отъ человека зависяція: то мы и постараемся разсмотрѣшь сіи причины особенно и въ связи съ другими, подтверждая ихъ самыми словами и дѣйствіями Рускаго народа.

О климатѣ Россіи поже можно сказать, что нѣкогда Римляне говорили о древней Германіи, гдѣ въ лѣсахъ погда живали сѣверные олени, гдѣ почши такой же былъ холодъ, какъ въ Сибири: „въ ней „тому полько хорошо, кшо шамъ родил-ся.“ Нынѣшняя Россія имѣеть въ себѣ почши всѣ климаты подъ разными своими полосами, на коихъ равнины смѣняющся горами, суша водою, жаръ холодомъ, сухость

сыросшію, шакъ чшо когда въ одномъ мѣсцѣ сѣюшъ, тогда въ другомъ хлѣбъ поспѣваетъ, когда на Сѣверѣ Россіи снѣгъ еще лежишъ на землѣ, на Югѣ луга зеленѣюшъ. Климашъ же древней Россіи, еще не столь пространной, въ Сѣверной ея полосѣ былъ замѣчательнѣе своимъ холодомъ, кошорый крѣпишъ и молодишъ Рускаго человѣка, или какъ говоришъ одинъ стихъ, сдѣлавшійся пословицей: *Въ зимній холодъ всякой молодъ*. Такъ какъ *Морозъ не великъ, а стоять не велитъ*: шо *что мужику дѣется, бѣжитъ да ерѣт-ся*. По замѣчанію просшаго народа, обратившемуся въ присловіе: съ *Петра Аѳонскаго* (12 Юня) *солнце поворачиваетъ на зиму, а лѣто на жары*, а съ *Спиридона солонорога* (12 Дек.) *солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ*. Кому не извѣсны морозы *Рождественскіе, Крещенскіе* (Водокреши), *Аѳанасьевскіе, Срптенскіе, Власьевскіе*? *Умножилъ Богъ лѣто мухами, по пословицѣ, а зиму морозами*. Въ Россіи *Зимъ и лѣту союзу нѣту*: по сему крещьянинъ почши не *снимаетъ кожу* (шубы) *до Св. Духа* п. е.

до Духова дня. По причинѣ частой смѣнѣ снѣга грязью, говорятъ: *Осень на плетой кобылкѣ ѣздитъ*. По благораспоряденію воздуха, весна слыветъ у насъ *красною*, а лѣто *страдаю* и *страдаю порою* по шажкимъ работамъ полевымъ; *Лѣто собираюха*, а *зима прибироха*, ш. е. что лѣтомъ воздѣлывается, собирается, по зимю обработывается и похребляется. Зимній путь въ сгарину назывался *еруднымъ*, по коему ошвозитъ хлѣбъ и издѣлія на продажу въ города. Зимнею порою крестьянинъ плашитъ за цѣлый годъ барскіе обраки и государственныхъ подаши, принаеетъ для себя и для своего семейства плашь и обувь, для домашняго быту всякую посуду, а для полевыхъ работъ сбрую. Климашъ много дѣйствуетъ на свойства народа, но вѣра, правленіе и воспитаніе еще болѣе. см. 3 часть сей книги.

Благодѣтельная природа надѣлила каждый климашъ свойственными ему произведеніями, кои сооществуютъ пѣвлюженію жищелей. Пища у Рускихъ прос-

шая, грубая и сыпная, сродная ихъ холодному климашу и крѣпкому желудку; она болѣе расщипельная, мучнистая, чѣмъ живошная, какъ у Англичанъ, живущихъ подъ влажными шуманами. Коренное, главное ясновіе, кошорое служимъ у насъ знаменіемъ гостепріимства, естъ *хлѣбъ и соль* — по старой пословицѣ: *Хлѣбъ, да вода крестьянская пда* (а) — *Съ чегожь челоувкъ сътъ и крѣпокъ, какъ не съ хлѣба* — говоришь проспой народъ, кошорый спарается по сему давань младамъ хлѣбъ какъ можно ранѣе, не боясь золашухи; выбрабашывая себѣ и позывъ на пищу и сонъ, онъ вѣришь, что *Хлѣбъ спитъ* и что надобно *работатъ до поту и псть до сыта*. Рускіе едва ли не болѣе всѣхъ Европейскихъ народовъ любящъ соль, кошорая

(а) Хлѣбъ называешся также *житомъ*, по Греч. *Σίτος*, сходное съ Рускимъ сыпной и Латин. *satur*. Плавій стр. свидѣтельствуешъ, Н. Н. XXXI. 7, *Veteres salem cum pane esitasse proverbio adparet. Кашонъ de lib. ed. Cum cibos et potionem vnas et paros vocent; matrem мамат, patrem парат.*

почишаешся за одно изъ средствъ разводящихъ и возбуждающихъ аппетитъ. Они крушо на крушо соляшь толстые ломши ржаного хлѣба, коимъ однимъ часно и питающся въ дорогѣ и на работѣ, или дѣлающъ изъ него шюрю съ лукомъ, квасомъ или водою и коноплянымъ масломъ (b). Всякой бѣлый хлѣбъ въ народѣ слыветъ *калагемъ* и естъ для него лакомство, а не пища сыпная; ибо, по старой поговоркѣ: *Съ калага ситъ не будешь* — *Калагъ скоро приѣстся, а хлѣбъ никогда*. Главная и привычная ѣда въ домашнемъ быту суровыя щи (шпи), изъ рубленой, кислой, сѣрой капусты, по большей части, пустыя, зашершны мукою, въ мясоудъ забѣленные молокомъ или смеша-

(b) Чшо ѣли монахи Симонова монастыря и вѣрно тоже простой народъ въ XV вѣкѣ, изображаетъ намъ ученикъ Максима Грека Зиновій шакъ: „Брашно хлѣбъ овсянъ невѣднъ, или класы „ржаные шолчены и шаковыя хлѣбы сухи „безъ соли; пише же вода и вареніе икѣшнихъ капустное листвіе; пренѣющіи же въ „нихъ, аще зеліе, имѣють свеклу и рѣпу; „овощи же имъ рябина и калина.“

ною, а въ постѣ, съ коноплянымъ масломъ или сокомъ; *щи*, по пословицѣ, *капустою пригожи, а солю укусны*. Въ большіе шолько праздники, когда обрекаются уби-вашь скошинку, какъ *моленой, пьтой кусъ*, щи варятся съ мясомъ, (съ убойною), которое *поминаютъ на великъ день*, ш. е. на Пасху, Успенье и Рождество. Щи, какъ любимое кушанье, служишь иногда признакомъ хозяйства и правомъ собственности, въ коей предоспавляешся хозяину воля, напр: *Хоть щей горшокъ, да самъ большой, или Для щей люди желятсѣ*. Другое кушанье — *каша*, какъ называюшь ее простолюдины, *мать наша*. У нихъ *щи и каша* соспавляюшь весь сыпной обѣдъ, копорый въ праздникъ *красенъ пирогами*, какъ *рѣка берегами*. Свѣйства Рускаго спола изображаюшся слѣдующею поговоркой: *Гореленько, пекленько, солоненько, укусненько, холодненько, кисленько*. Къ воздержанію, а вмѣстѣ съ нимъ и къ предохраненію себляюшь болѣзней приучаюшь Рускаго чепыре въ году поста, предписываюшихъ наблю-

дашь время, количесиво и качесиво пици, середа и пашница, а у набожнѣйшихъ и понедѣльникъ; посему и говорихся пословицей: *Полдуба сухаго, полдуба сыраго, да макушка золотая*, ш. с. половина года посшь, половина года мясодъ, да сверху Св. Недѣля. По изконной прищкѣ Славяно-Руссовъ къ рѣкамъ и озерамъ, близъ коихъ селились, они любили рыбу, какою хвалился Россія. Въ Великій Постъ главное кушанье сосшавляюшь грибы, споль шажелое для слабаго желудка, что иносшранцы почишаюшь оное ядовитымъ; но у Рускаго въ постъ: *Семеры яства, а все грибы*. Пощеніемъ соощечесшвенники наши превосходяшь чужеземцевъ, почишая постны необходимыми для спасенія души и для сохраненія здоревья. Гнушаясь обычаями Ташаръ, они говаривали пословицей: *Татарскому мясодду нтъ конца*; о Римско-Кашолицкомъ же постъ: *Литовскій постъ, что Немецкій постъ* ш. с. корошокъ. Иносшранные путешесшвенники въ нашемъ ошечесшвѣ XVII вѣка удивлялись воздержанію Рускихъ воиновъ, кошорые въ продолжисельныхъ и

пятигоспныхъ походахъ пишались однимъ шолокномъ, разводя его на водѣ; пощому чшо *толокно*, по шарой пословицѣ, *скорое кушанье: замьси, да и въ ротѣ монеси*. Въ нѣкопрыхъ Губерніяхъ, особливо Вологодской, Коспромской и другихъ, шолокно сосшавляетъ любимое у просшолодиновъ кушанье, по коему и прозывающся они *толоконниками*, шакъ какъ гуца у Новгородцевъ, слывущихъ *ещуцѣдами*. Изъ овсяной муки варишся кисель, кошорый вмѣшшвъ съ брагою сосшавляетъ для крещьянина домашнее благо: *То и благо, что кисель, да брага*. По его словамъ, *Киселемъ брюха не испортиши, Кисель зубамъ не порча*. Брага, или пиво, а гдѣ есть пчельники, шамъ и медъ варишся къ празднику, къ свадьбѣ, родинамъ и похоронамъ. Въ Коспромской Губерніи къ Свяшой Недѣлѣ варяшъ шакъ называемое *Кузмодемьяновское*, или *моленое пиво* брашчиной и сошедшисъ въ одну избу, сливаютьъ его въ латунь (боченокъ), щомомъ при зажженныхъ предѣ образами свѣцахъ помелясь, выпивающъ за лю-

дней времени, количеством и качеством пищи, севера и пашница, а у набожнѣйшихъ и поведальникъ; посему и говорятся пословицей: *Полдуба сухаго, полдуба сыраго, да макушка золотая*, ш. с. половина года постъ, половина года мясоѣдъ, да сверху Св. Недѣля. По незаконной привычкѣ Славяно-Руссовъ къ рѣкамъ и озерамъ, близъ коихъ обитали, они любили рыбу, какою хвалился Россія. Въ Великій Постъ главное кушанье составляютъ грибы, столь полезное для слабаго желудка, чшо иностранцы почитаютъ оное ядовитымъ; но у Русскаго въ постъ: *Семерь лѣта, а все грибы*. Почтеніемъ соотечественники наши превосходятъ чужеземцевъ, почитая посты необходимыми для спасенія души и для сохраненія здорѣвья. Гнушаясь обычаями Ташаръ, они говорили пословицей: *Татарскому мясоду нѣтъ конца*; о Римско-Католическомъ же постѣ: *Литовскій мостъ, что Пльмецкій постъ* ш. с. коршокъ. Иностранцы пошечесивенники въ нашемъ отечествѣ XVII вѣка удивлялись воздержанію Русскихъ воиновъ, которые въ продолжительныхъ и

ВЪ ГОСПИНЫХЪ ПОХОДАХЪ ПИВАЛИСЯ ОДНИМЪ
ТОЛОКНОМЪ, РАЗВОДИ ЕГО НА ВОДЪ; ПОШО-
ЧНО ТОЛОКНО, ПО СПАРОЙ ПОСЛОВИЦЪ,
ДРОЕ КУШАНЬЕ: ЗАМЪСИ, ДА И ВЪ РОТЪ
ПЕСИ. ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ, ОСОБЕ-
ННО ВОЛОГОДЕКОЙ, КОСПРОМСКОЙ И ДРУ-
ГЪ, ТОЛОКНО СОСНАВЛЯЕТСЯ ЛЮБИМОЕ
ПРОШЛОДИНОВЪ КУШАНЬЕ, ПО КОЕМУ
ОЗЫВАЮЩАСЯ ОНИ ТОЛОКОННИКАМИ, ШАКЪ
ВЪ ГУЩА У ПОВГОРОДЦЕВЪ, СЛЫВУЩИХЪ
ДЕТЬДАМИ. ИЗЪ ОВСЯНОЙ МУКИ ВАРИТСЯ
КИСЕЛЬ, КОТОРЫЙ ВМѢСѢ СЪ БРАГОЮ СОСНАВ-
ЛЯЕТСЯ ДЛЯ КРЕЩЬЯНИНА ДОМАШНЕЕ БЛАГО:
И БЛАГО, ЧТО КИСЕЛЬ, ДА БРАГА. ПО ЕГО
ПРАВУ, КИСЕЛЕМЪ БРЮХА НЕ ИСПОРТИШЬ,
КИСЕЛЬ ЗУБАМЪ НЕ ПОРЧА. БРАГА, ИЛИ ПИ-
ВО, А ГДѢ ЕСТЬ ПЧЕЛЬНИКИ, ШАМЪ И МЕДЪ
ПРИШЕИ КЪ ПРАЗДНИКУ, КЪ СВАДЬБѢ, РОДЕН-
НЫМЪ И ПОХОРОНАМЪ. ВЪ КОСПРОМСКОЙ ГУ-
БЕРНІИ КЪ СВЯТОЙ НЕДЕЛѢ ВАРЯТЪ ШАКЪ
ОЗЫВАЕМОЕ КУЗМОДЕМЬЯНОВСКОЕ, ИЛИ МЕ-
ДЬЯНОЕ ПИВО БРАШНИНОЙ И СОШЕДШИХЪ
ВЪ ОДНУ ИЗБУ, СЛИВАЮТЪ ЕГО ВЪ ЛАГУНЪ (БЕЛ-
ОКЪ), ПОШОМЪ ПРИ ЗАЖЖЕННЫХЪ ПРЕН-
ОМЪ СВѢЧАХЪ ПОМОЛЪСЯ, ВЫЛИВАЮТЪ И ДА-

бовь, по пословицѣ: *Пиво не диво и медъ не хвала, а всему голова, что любовь дорога.* Лучшая жь пора варки пива почищается Маршъ, шакъ какъ у Нѣмцевъ Май, и лучшее въ году *Мартовское пиво*, кошорре, столь крѣпко, что, по присловію, *съ ногъ сбило.* Хлѣбъ, обращенный въ горячее вино, горѣлку, сивуху, при изнуреніи подкрѣпляетъ шѣло Рускаго, среди холода, въпра и дожда грѣешь его кровь; въ кручинѣ веселишь его сердце; шакъ что онъ пьешь и въ радости и въ печали. *Мужикъ годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и все пропьетъ* — шакъ говоряшь о запоѣ, болѣе свойственномъ пѣмъ народамъ, кои пьютъ хлѣбное вино. Климашъ, пища, шѣлосложеніе и привычка сдѣлали пьяные напишки для Рускаго столь необходимыми, что еще В. К. Владиміръ сказалъ Булгарамъ: *„Руси естъ веселіе пити, не можетъ безъ того быти.* Хотя однѣ пословицы опчасши и оправдываютъ пьянство, говоря: *Пьянъ, да уменъ, два угоды съ немъ, или По мнѣ хотъ пей,*

да дѣло разумнѣй ; однако другія учашъ ,
 чшо *Пить до дна, не видать добра, чшо.
 Пить добро, а не пить и лучше то-
 го, чшо Пьяное дѣло шатовато, а по-
 хмѣльное тошновато, чшо Кто рюм-
 ки допиваетъ, тотъ вѣка не дожи-
 ваетъ.* Но пьянство и не однимъ Рускимъ
 свойственно, какъ видно изъ слѣдующаго
 описанія К. Курбскаго Польши: „Власте-
 „ли земли шоя драгоцѣнными колачи гор-
 „шань и чрево напыкающе, и яко бы во
 „ушлыя дельвы дражайшія различныя ви-
 „ны безмѣрно ліюще и прегордѣ другъ дру-
 „га пьяніи восхваляюще. Егда же возлягушъ
 „на одрѣхъ своихъ между полспыми пери-
 „нами, шогда ко полудню проспавшись, со
 „связаными головами едва живи съ по-
 „хмѣльѣ.“

Квасъ служишъ и пишемъ и при-
 правою другимъ снѣдамъ — съ капустою,
 лукомъ, огурцами, свекольникомъ, или съ
 рыбою. *И худой квасъ лучше хорошей
 воды*, говоришъ народъ пословицей.

Умѣренная и сышная пища, предла-
 гаемая Рускому человѣку машерью землею,

не опягчая шѣла излишними соками, даешъ ему силы перенесши тяжесши трудовъ на пель жашвы и бышвы, зной, жолодъ и голодъ. Въ походахъ и въ поспы онъ можешъ по нѣскольку дней оснавашься безъ пищи. Хешя онъ и вѣришъ, что *паръ костей не ломитъ*; однакожъ, не боясь просшуды, съ шеплой печи босой ходишъ на морозъ, или изъ бани нагой бросаешся прямо въ снѣгъ, по лодышки ходишъ въ водѣ, иногда спишъ на сырой землѣ, испышываешъ пору сяннѣя, ложась всѣмъ шѣломъ въ вырышную яму и если земля шепла, начинаешъ благословлясь посѣвъ. Еслибъ пьлншво иногда и другіе смежные съ нимъ пороки не измождали его силъ болѣе, чѣмъ самыя работы, какія едва ли могушъ вынесши другіе Европейцы: шо каждый бы Рускій по природѣ своей былъ богашыръ и земля была ему прямою машерью и кормилицей.

Какая шросшеша въ пищѣ Рускаго, шакая жъ и въ его жилищѣ: бревенчашая, или брусная изба, по большой часши, черная,

курная съ клешью, ш. е. холоднымъ покоемъ; съ шремя окнами, изъ коихъ два *волоковыя*, одно среднее слывешъ *краснымъ* и *косащестымъ*. Сышность, уюшность и сѣмьной покой предпочишаюцца красивоспи и про-спору жилища: *Не красна изба углами, да красна пирогами, Лучше жить въ тѣснотѣ, чѣмъ въ обидѣ* — и живущъ Рускіе красшьяне, какъ за полвѣка живали и горожане, всей сѣмьей въ одной избѣ, въ коей на зиму помѣщался и скотъ. За немѣніемъ особой бани служилъ *лазней* (баней) печь, кошорая часшо спасала ошъ холеры и кошорая шакже по благошворному дѣйствію своему слывешъ *матерью*, полаши замѣняющъ аншресолы и пошпели. Въ шакомъ бышу все соединялось предъ глазами хозяина, кошорому, но шарой пословицѣ, и *стѣны въ домѣ помогаютъ*.

По свидѣтельству иношпранныхъ иско-риковъ, Славяне искони живши среди народовъ воиншвенныхъ и шорговыхъ, подобно древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, преимуще-швенно занимались скошководствомъ и земле-

дѣліемъ — главными испочниками народнаго продовольствія. *Кто станетъ пахать, тотъ будетъ богатъ. Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника.* Богатство и сила Россіи въ землѣ, которая даетъ своему земляку хлѣбъ для питанія себя, желѣзо и мѣдь для защищенія и употребленія, лѣсъ для согреванія и спроченія, кормитъ и скопитъ его, или какъ онъ называется *животъ, животинку*, которая составляетъ его имущество, такъ какъ у древнихъ Римлянъ и другихъ первобытныхъ племенъ. *Хлѣбъ да животъ и безъ денегъ живѣтъ.*

Могучество, храбрость и стойкость Рускаго познаешь не только въ битвахъ и въ работахъ, но и въ любимой его забавѣ—кулачныхъ бояхъ, борьбахъ, играхъ, игрушкахъ, игрищахъ, въ коихъ обнаруживаешь воинственный духъ Рускаго народа. Древнія его *иеры*, по звуку и предмету сходны съ Греческими *ѵра* священными плясками, кои совершались въ Церериныхъ таинствахъ. *Иерушками* также назывались родъ ры-

царскихъ попѣхъ или каруселей, въ ка-
кихъ нерѣдко участвовали и самые Князья
наши. Въ Троицк. Лѣтоп. подъ 1390 г. за-
мѣчено, что „тое зимы, по Рождествѣ
„Хрисповѣ, на прешій день Осей корми-
„личичь Князя Великаго поколошъ былъ
„на Коломнѣ въ игрушкѣ.“ Но пословица
гласитъ, что *тѣмъ не играютъ, отъ
чего умираютъ*. Пётръ I пишетъ 1708
года предъ Полшавскою бисвою: „Вѣдаю,
„что сія игрушка меня не минетъ.“—Кому
не извѣсна сшаринная похвальба кулач-
ныхъ боевъ: *Наша взяла и рыло въ крови*,
шакъ какъ и сшарый успавъ оныхъ, вошед-
шій въ пословицу и въ Указъ Петра II:
Лежачаго не бьютъ. Обычай *силки отеп-
дать, силкою помѣряться* велся не только
между чернью, но и между знашными людь-
ми. Въ Коспромской Губерніи бойцы раз-
дѣлялись на двѣ спороны: *Дебрянъ*, кошо-
рые жили въ части города расположен-
ной по нижнему берегу Волги, и *Сулянъ*
на Суль, небольшомъ ручьѣ, нынѣ зава-
ленномъ и заспроенномъ. Бои бывали на
Молошной горѣ, къ Волгѣ, на томъ мѣстѣ,

гдѣ мынѣ перевозъ, и начинались, подобно какъ въ Калугѣ и Тулѣ, ребятами, попомъ женатыми, наконецъ дѣлались общими — шли *стѣна на стѣну*. Въ войну Россіи съ двадцатью однимъ народомъ часно дубины и цѣпы брали верхъ надъ огнеспрѣльнымъ оружіемъ, оправдывая сшаривную поговорку: *У кого пистолы, а у насъ дубинки Христовы.*

В. Касающіяся до нравственныхъ причинъ.

Когда еще не введено было въ Россію разныхъ свѣшемъ воспитанія, дѣвши получали оное въ сѣмейномъ кругу, служившемъ для нихъ училищемъ: правила и обычаи предковъ и руководство родителей были основою воспитанія, болѣе физическаго и нравственнаго, чѣмъ умственнаго, коего строгость нерѣдко пресpirалась до суровости, какъ можно судить по старой поговоркѣ: *Кому Богъ дастъ сыроей, не льясь, учи ихъ и бей*. Воспитаніе дѣшей для отца и матери было обязанностью: *Умный дитя родить, умный и научить*. Средствами онаго были не одна жестокость, но и ласка и снѣдь; *Хорошо геть и гроза, или Дитей наказывай стыдомъ, а не грозою и бичемъ*. При воспитаніи, согласномъ съ климатомъ, обычаями отеческими и вѣрью, строгость родителей приучала юношей къ повиновенію и щерцливости, простира къ умеренности въ жизни, а здравый смыслъ

къ полезному употребленію силъ душевныхъ и шѣлесныхъ; но воспишаніе, прошивное симъ основаніямъ, во многомъ измѣняетъ народъ, прививая къ нему легкомысліе въ подражаніи чуждому; непрочность въ познаніи, пакъ чпо говоря Рускою половицей, онъ *отъ одного берега отстанетъ, а къ другому не пристанетъ*. Дѣши живши умомъ и благословеніемъ родителей своихъ, удалялись опть дурныхъ примѣровъ; ибо дѣтямъ не порца игрушка, а порца худая приолужка; ибо *Кажовъ едь дядьки, таковы и дѣтятки*.

Простота въ жизни, умѣренность въ желаніяхъ, воздержаніе въ спрасіяхъ и преданность судьбѣ своей надѣляли Рускаго шѣмъ спокойствіемъ и спойкоюшю духа, коимъ позавидовали бы и Спойки; пакъ чпо онъ не унываетъ въ напасни, говоря: *Подумаешь, горе; а раздумаешь, будь воля Божья!*— или *Голенкой охъ, а за голенкииъ Боеъ*. О счасіи думаетъ; чпо оно свыше даетъ: *Щастливому таланъ отъ Бога данъ; чпо оно должно бытъ другимъ не вредно: Щастливыиъ бытъ никому не досадитъ;*

что оно должно управляться умомъ ; ибо *Щастье безъ ума никто* и что оно *многихъ обманываетъ* — и пошому: *Щастью не вѣрь , и отъ бѣднаго не затворяй дверь.*

По шѣсной связи чувства слуха съ душою, душа и сердце Рускаго живо и сильно выражающа въ его пѣсняхъ. У Рускаго *Пѣсня была, а сказка складка.* Онъ поетъ и въ печали, и въ радости : въ одной — пѣсни его заунывны и унылы, а въ другой веселы, шушлявы, игривы. По его поговоркѣ, *жить весело значить жить припьяноты.* „У насъ — говоришь Бапюшковъ, въ пѣсняхъ дышетъ нежность, краснорѣчье сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ Сѣверной музы.“⁶ Всѣ важнѣйшія общоштественныя жизни выражающа пѣснями, кои суть святочные, свадебныя, хороводныя, и ш. д. Онъ могущъ почестъ словесными лѣпописями, опголоскомъ древнихъ преданій ; подобно пословицамъ, изображающъ духъ Рускаго

народа. Посему не удивительно, что у Кишайцевъ книга *Кусефонеъ*, или нравы Государства, содержишь въ себѣ *пѣсни народныхыя*. Императоры Кишайскіе при обозрѣніи Государства собирали оныя, дабы удобнѣе судить о народныхъ правахъ и обычаяхъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ каждой страны (е). Также Карлъ Великій, для пресвѣщенія своихъ народовъ, повелѣлъ собрать всѣ народныя пѣсни исперическаго содержанія. Если, по опредѣленію старинной пословицы, *пѣсня была*: то и у насъ въ пѣсняхъ воспѣвались быльми староваго времени, какъ пѣснь о полку Игоревъ, недошедшія до насъ были Баяна, Мишуси. О последнемъ въ Волынской лѣшениси читаемъ слѣдующее: „Андрей же не удоси его, но удоси Владыку и слуги его гордые разграби, и шулы ихъ бобрывые раздра и прилбнѣз ихъ волчѣя и барсуковые раздрана быша (яко) словушного

(е) Академическія извѣстія на 1779 г. ч. 2. С. II. 8.

„пѣвца Митусу древле“ (d). Византійскіе писатели свидѣтельствуютъ намъ о ночномъ нападеніи Грековъ въ 592 г. на Славянъ, усмившихъ себя пѣснями. О прославленіи побѣды пѣснейю свидѣтельствуютъ Вольи. Лѣшоп. чито : „Давидъ же прииде въ Визнѣ и преиде рѣку Наровъ, и многія Хрістіаны избавиша, и *пѣснь славу* пояху има.“ Послѣ побѣды надъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ XIII в. Ляхи шоржеспивовали оную пѣснями опщевъ своихъ. Споглядъ и посланія Священителей Россійскихъ упоминаютъ о языческихъ пѣсняхъ, ивъныхъ и въ Хрістіанствѣ и названныхъ *бѣсовскими, сатанинскими, скоермыми*. „Многодѣльное первое Хрістіанство наше — замѣчаетъ ученый Тредьяковскій, — хоня искоренило всѣ многобожныя служенія и пѣсенныя прославленія богамъ и богинямъ; однако съ пренебреженія, или за

(d) Карамз. И. Г. Р. IV. пр. 20. Вспрѣчается въ Прологѣ и другихъ рукописяхъ глаг. *митусати*, прилаживашъ, прилажывашъ. Такъ напр: Пролога, 16 Июлѣ. „Трясутъ руками и *митусають* ногами.“

„упраздненіями, не коснулось къ проспона-
 „роднымъ обыкновеніямъ: оставило ему за-
 „баву общихъ увеселипельныхъ пѣсень, а
 „съ ними способъ изложенія стиховъ. Сіе
 „шочно и есть первородное и природное на-
 „ше стихосложеніе, пребывающее и доднесъ
 „въ проспонародныхъ, молодецкихъ и дру-
 „гихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло.“
 Соглашая голосъ и пѣлодвиженія съ са-
 ными предметами и словами, Руской на-
 родъ сопровождаетъ пѣніе звуками сви-
 рѣли, рожка, балалайки, плясками и хоро-
 водами (колами).

Самый языкъ Славяно-Рускій своею звуч-
 ностію и плавностію, споль способенъ къ
 пѣнію и споль сроденъ съ мусикією, что до-
 рожитъ складомъ въ рѣчи: *Складъ дороже
 пѣсни — Изъ пѣсни слова не выкинешь.*
 Съ внѣшнимъ благозвучіемъ въ складѣ его
 соединяется внутренняя его сила, гиб-
 костъ, нѣжностъ, крашкостъ при самомъ
 обилии; ибо въ Россійскомъ словѣ заклю-
 чается сокровищница чувствій и мыслей,
 ближайшихъ къ истинѣ и природѣ и обо-
 гащенныхъ сближеніемъ съ языками Востока,

Запада и Юга. Славяне именуя себя по слову *языкомъ*, и въ самомъ признаннѣ языкъ опличительнымъ признакомъ бышя своего и вмѣстѣ правилемъ чувственности; Руской говорятъ пословицей: *Языкъ тѣлу якорь, или Языкъ малъ, да вѣсьмъ тѣломъ владѣетъ*. Какія же понятія усвоивались слову, видимъ изъ слѣдующихъ поговорокъ, въ коихъ гласны и свѣдѣнныя на родныя и кои составляютъ условный образъ выраженій цѣлаго племени: *Слово твердо, слово крѣпко, доброе слово, красное слово. Лишнее слово досаду приноситъ, и до стыда доводитъ*. Сила слова выражается такъ: *Слово не стрѣла, а пуше стрѣлы, или Слово во время и кстати сильнѣ письма и печати*; искренность говорятъ: *Что на умъ, то и на языкъ*. Но ошибка въ словъ не споръ, или не всяко лько въ строку, а правда не многорѣчива, любя краткость и силу: *на правду мало словъ*.

Вышнія и низшія способности такъ размѣщаются спарою пословицей: *Па-
КНИЖКА II. В*

мять въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хвѣ
 тнїе въ сердцѣ. Душа, по мнѣнію народа,
 виситъ на девяти крючкахъ (нервахъ?),
 съ коихъ при смерти человѣка она свѣ-
 маешься поспешенно. Дальновидность духа
 выражается въ слѣдующихъ словахъ: *Око*
видитъ далеко, а мысль еще дальше. Ду-
 шею называешься и совѣсть; *Обидитъ легко,*
да душитъ каково? Сила мыслящая умъ, а по-
 знающая и смѣкающая разумъ; одна безъ
 содѣйствія другой не достигаетъ своей цѣ-
 ли, и когда умъ не соображаешься и не
 повѣряешься опытомъ: тогда онъ впа-
 даешь въ заблужденіе и выходишь, что
умъ безъ разума бѣда. Дѣло ума есть
дума; помыслъ или мысль, перешедшая
 въ волю, которая если соединена съ
 нерѣшимостью и заботою, слыветъ *раз-*
думьемъ. *Дума наша за горами, а*
смерть наша за плечами. *Дума бы-*
ваешь крѣпкая, раздумище великое.
Но догадка лучше разума. Союзъ же ду-
 ховный и нравственный между людьми ясно
 изображается такъ: *Душа душу знаетъ*
и Сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Что Рускій и послѣ ошибки можешь спохвашишься и образумишься, о томъ говоришь его же пословица: *Рускій заднимъ умомъ крѣпокъ*; о смысленности же его и ращепливости: *На мужикъ кафтанъ (зипунъ) хоть сѣрѣ, а умъ не кто съльѣ*. Хотя предки наши и признавали свободу ума, говоря: *Сила уму могила* и *Умъ любитъ просторъ*; но требовали также основательности и зрѣлости его; ибо *недозрѣлой умокъ, что весенній ледокъ, Умъ хорошо, а два лучше—Умомъ торговать, а безъ ума горевать* и *На умъ находитъ всякій стихъ*. Они издавна не чуждались свѣща наукъ, какъ доказываютъ письменные памяшники и сщарыя пословицы: *Ученье свѣтъ, а неученье тьма — Ученье атаманъ, а неученье комаръ — Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ*.

а) Пословицы, относящіяся къ язычеству, вѣрѣ и суевѣрію.

Одно изъ главнѣйшихъ и прочныхъ основаній нравственности въ жизни семейственной и гражданской, одна изъ важнѣйшихъ причинъ различія народовъ есть вѣра, коей знаніе у предковъ нашихъ составляло всю ученость. Древніе Славяне почитались набожнѣйшимъ народомъ въ Язычествѣ и благочестивѣйшимъ въ Хрістіанствѣ; хотя ихъ понятія о предметахъ Хрістіанства и соединены были съ ошпашками Язычества, шаробышными повѣрьями и суевѣрїями.

Но прежде нежели разсмотримъ вліяніе Хрістіанской вѣры на Славяно-Русскихъ, сколько можно видѣшь изъ пословицъ ихъ, коснемся слабыхъ ошголосковъ языческой эпохи, кои повпорядились и среди ихъ Православія. Въ нравахъ и обычаяхъ, повѣрьяхъ, праздникахъ народныхъ и хороводахъ замѣчашельно занимшвенное и случайное сходшво, по опношенію къ разнымъ епохамъ, шо съ древними Еллинскими и Римскими, шо съ Азіятскими, шо съ Готтескими и Скандинавскими.

Время шакъ измѣнило, пѣсни, изустныя преданія и пословицы Язычества Славяно-Руссовъ, что шрудно съ достоверностию означить, какія изъ оныхъ языческія; шѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ понашій языческихъ смѣшались съ Хрістіанскими по привычкѣ народа къ шародавнимъ повѣрьямъ. Предметъ прежняго благоговѣнія сдѣлался шемнымъ воспоминаніемъ въ пословицѣ, поговоркѣ, присказкѣ и брани; для язычника священныи обрядъ обратился въ игру и пошѣху, шерпимую и въ Хрістіанствѣ, какъ привычная забава народная; обрядный хоръ, или шаиншвенное заклинаніе превратились въ народную пѣсню, или припѣчу, пришеенную къ другому предмету, въ коемъ коренныи смыслъ измѣнился на пошпоровныи, совершенно ему чуждыи. Но первое, какъ сильнѣйшее, впечатлѣніе, ошпаеша и въ проспывающихся слѣдахъ. Такъ просполюдины у насъ именуя св. иконы богами, а моленныя божницами, вѣраше, будшо у всякаго еше свой свяшой (богъ), особенно ему покровишельспвующій; оше чего и ведеша между народомъ поговорка:

Что тому Богу молиться, которой не милуетъ! Деньги не боги, да много милуютъ. Самое присловіе *дай Богъ* сходно съ именемъ одного изъ семи Кіевскихъ боговъ, *Дажь-богомъ*. Уваженіе къ огню и водѣ, величаемымъ въ народныхъ поговоркахъ *Царемъ* и *Царицею*, шакъ какъ рѣки *матушкою*, или *батюшкою*, не естъ ли оспашокъ Славянской эпохи благоговѣнія къ стихіямъ?

Древняя вѣра Воспока въ судьбу (судьбину) или рокъ (споиическій и аспирологическій, Латин. *fatum*, *мо́ира*, (миръ?)) замѣшна и въ Славяно - Рускомъ народѣ и нерѣдко смѣшивается съ предопредѣленіемъ, *судомъ Божиимъ*, предполагая въ мирѣ необходимость случающихся событій: *Чему быть, тому не миновать*, или *Таланъ не туманъ; не мимо идетъ* (е). Присполюдины вѣряшъ, что если кто уми-

(е) *Таланъ* въ смыслѣ бѣды, напасть, злосчастіе сходно съ Греч. *τάλαχ*. Но *τάλαχτων* — всѣмъ дары судьбы, а по изобразительному языку Еллады, судьба. У Гомера (II. VIII, 69.) Зевсъ взвѣшиваетъ судьбу смертныхъ на вѣсахъ.

раешъ насильственною смершю, *тому на роду такъ написано — Рокъ головы шаетъ — У притги на конь не уйти.* „Безъ року смершнаго“ — сказалъ Вассіанъ Царю Іоанну Васил. — „нѣтъ ни челоуѣка, ни пшицы, ни звѣря.“ По изрѣченію пѣвца Игорева похода: „Ни хышру, ни горазду суда „Божія не минуши.“ О брачномъ союзѣ, кошорый подобно смерши, слывешъ судьбою, говоряшъ, что *Суженаго и на конь не обълдеши, что Судьба придетъ, руки назадъ привяжетъ, что Кому на комъ жениться, тотъ въ (для) того и родится.* Изъ сего источника произошли гаданья и жеребьи: *Кому вынется, тому и сбудется, не минуется.* Опгъ смѣшенія языческихъ повѣрьевъ съ Хрістіанскими понятіями родились прошиворѣчуція первымъ пословицы и поговорки, а опгъ послѣднихъ вѣра; что *все въ міръ творится не нашимъ умомъ, а Божиимъ судомъ.* Мысль о рокѣ языческомъ замѣнилась чиспѣйшимъ понятіемъ о предопредѣленіи или волѣ Божіей.

Слово *ладъ, ладо, лада*, встрѣчающееся въ поговоркахъ, означаетъ спрой-

носшь, согласіе въ звукахъ мусикійскихъ, въ отношеніи къ людямъ союзъ, совѣтъ, любовь и дружбу, а у Англо-Саксовъ сіе общее съ Славянами слово *lada*, употребляешся въ смыслѣ закона и суда Божія (f). Ладо причисляемая къ божесшвамъ, какъ покровительница брачныхъ союзовъ, воспоминаешся въ пословицѣ: *Не надобно и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ*. Если чашашъ у Несшора о бракахъ Древлянскихъ: *оумыкаху оу воды* (вмѣсто оуводы) *дъвица*: шо понятна будетъ шарая поговорка: *Лады у воды*. Въ Подольской Губерніи около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи воспѣвають *Царевну Ладу*, а подъ Берешьемъ Липовскимъ *Королевну Ладу*. Бранная поговорка: *ну те къ ляду*, не воспоминаешъ ли Чешскаго Ладона (*Ladon*), Польскаго *Ljada* и приписываемаго Рускимъ Леда, бога войны, коему приносились въ жершву люди (g)? —

(f) *Manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. VI t. — Краткое обзорѣіе Мнѣологіи Славянъ Росс. II. Стрѣва. М. 1815.

(g) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von H. Fläny. Znaim. 1827. 2 T. —

Проповѣдники Хрістіанской вѣры на Сѣверѣ Славяно - Германскомъ вида, что въ Туровѣ, или громовъ день (*Thorstag*, чешверпокъ) молишвы язычниковъ къ Тору, или Перуну, о дождѣ оспаяются ищещными, спали говоримъ въ прищчу обо всемъ несбыточномъ: *Посль дожджика съ четвереъ* (h).

Къ поняшамъ языческимъ принадлежащъ древніе боги, лѣшіе, полевые, водяные, домовые, кои въ пословицахъ и поговоркахъ, по большей часши, называющся черщами и бѣсами. О водвореніи духовъ въ домахъ и урочищахъ свидѣшельствуютъ просионародныя поговорки: *Всемиля чортъ въ боярской домъ—Упрямъ какъ Карамышевскій чортъ—У чорта на Куликахъ—Пишетъ какъ чортъ шестомъ по Неглинной — (о дурномъ пѣніи) Какъ лшій Перовскій зоветъ Куликовского въ гости къ родительской — Толкитесь бѣсы, да не въ нашемъ лѣсь — Впрь бородъ, а порука въ водъ.* Упоминаемаго въ поговоркахъ домоваго, или *постына*

(h) Вѣстн. Евр. 1813. No 9 и 10. см. Саларева.

(поже у Финновъ *rajnajaipen*, гнешущій) проспой народъ почишаешъ предвѣспникомъ счастья или несчастья, прибыли или убыли: тогда какъ онъ, по большей части, зависишъ ошъ игры воображенія, душевныхъ спрасшей, поврежденія, изобилія и худаго обращенія соковъ (i). Въ Нерехшѣ, при переходѣ на новоселье, хозяинъ съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ, въ распворенныхъ дверяхъ новаго дома обращаешъ къ домовому слѣдующее слово: *Дѣдушка, милости просимъ съ нами на новое мѣсто!* (k). Наша чернь вѣришъ, что колдуны и вѣдьмы по злобѣ или въ наказаніе могушъ оборачивашъ людей въ разныхъ скошовъ. Между прочими поговорками о такихъ превращеніяхъ, коихъ примѣры находимъ у Овидія, ешъ слѣдующая: *Оборотнемъ медвѣдь, волкъ пастухомъ, а свинья огородникомъ не бываетъ.* Сюда жь ош-

(i) Разсужденіе о домовомъ въ Дешевомъ подаркѣ суевѣрамъ, изд. Н. Щеголева. Владиміръ 1799. 12. — Абевега Руск. суевѣрій. М. 1786. 8.

(k) У Римл: *domiducus* и *domiduca* (Юнона). *August. C. D. VI. 9.*

носящаяся и приговоры, или заговоры, какъ шо: *Куда нога, туда и сонъ — Этотъ бы приговоръ, да тебѣ во дворъ!* и ш. п. Понѣже, по словамъ Псковск. Лѣшоп. г. 1570, „Рускіе люди прелесни и ладки „на волхвованіе“; шо нерѣдко въ пословицахъ вспоминается ворожба, колдовство, какъ-шо: *какъ мертвою рукою обвести*, ш. е. приворожишь, привлечь къ себѣ. Преданія и судебныя дѣла свидѣтельствуютъ, что разбойники нашивали съ собою мершвую руку, коею обводили спящихъ, чшобы они не проснулись и не помѣшали грабиль. Въ Германіи и доселѣ ведется суевѣріе, по коему у висельниковъ обрѣзываютъ на рукахъ и ногахъ пальцы, носимые на счастье и для другихъ примѣтъ. Пословица *Богъ души не вынетъ, сама душа не выдетъ* противоположна жестокости и суевѣрному обычаю между нѣкопороыми опщепенцами: вынимашь у шрудно-больныхъ душу, за коею будшо приходишь Архангель, замѣняемый у нихъ шакъ называемымъ наставникомъ. Съ ешимъ сходенъ существовавшій обычай *перелабани-*

вать (полночь по головѣ убивать за пиршествомъ) спариковъ, выжившихъ изъ лѣтъ, для освобожденія ихъ отъ тягостной жизни. Шутливая поговорка между чернью спарикъ: *Ты чужой вѣкъ живешь; тебя пора ужь лобанить!* шакъ какъ и другая: *Старъ батька, убилъ бы его, а умеръ батька, купилъ бы его*. — намѣкающъ о существованіи нѣкогда въ Россіи между какимъ нибудь шолкомъ безчеловѣчнаго сего заведенія, извѣснаго у дикихъ Американцевъ.

У древнихъ Грековъ и Римлянъ велось обыкновеніе въ концѣ Декабря гадать, по бѣлымъ или чернымъ бобамъ, въ избираштельное правленіе, кто у нихъ будетъ преемникомъ правителей Государства, а въ единодержавіе бобами избирали царей и царицъ пиршества: что бывало и въ старой Франціи. Пивагорова правило: *воздерживайся отъ бобовъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, значило: не вмѣшивайся въ правленіе! Бобы издревле у Рускихъ употреблялись для гаданія; въ чемъ увѣряющъ слѣдующія половицы: *Чужую бѣду бобами разведу, а*

къ своей бѣдѣ ума не приложу—соопвѣш-
опвѣствующая Теренціевой: Facile omnes, cum
valetus, recta consilia aegrotis datus, ш. е.
пока мы здоровы, легко даемъ совѣты боль-
нымъ; шакже: *Киньте кто бобами, бу-
детъ ли за нами.* У Поляковъ szagny bob,
черный бобъ значить несчасшїе.

Переходъ Славяно-Руссовъ опъ Языче-
ства къ Хрїстіанству составляетъ меж-
ду нѣмъ и другимъ конъ, за которь не-
рѣдко пересшупали шаробышныя повѣрья,
взычан (поконы), слившїеся съ нравами и обы-
чаями народа. Благоговїе ихъ къ ложнымъ
божествамъ, многочасшно и многообразно,
какъ въ шускломъ зеркалѣ, предшавлявшїмъ
единство Божества, перемѣнилось въ истин-
ное благочесшїе, при чемъ замѣнились однѣ
поняшїя другимъ; но слѣды привычныхъ мы-
слей ошались въ памяти и языкѣ народа.
Изъ души, пишаемой высокими и умилишель-
ными правилами Св. Вѣры, проповѣдующей
любовь и самоопшверженїе съ надеждою на Бо-
га, происшekli многїя народныя мысли о вѣ-
рѣ и благочесшїи, выраженныя въ краш-
ныхъ, сильныхъ и вѣчнопамятныхъ посло-

видахъ ; онѣ все великое , праведное , доброе и прекрасное въ человѣчествѣ относили къ Богу, какъ своему источнику. Внушеніе чистой совѣсти именовалось гласомъ Творца : *Совѣсть добрая есть гласъ Божій*. Единомысліе въ общемъ мнѣніи слыло также гласомъ Божиимъ; ибо *Гласъ народа гласъ Божій*, или какъ говоряшь Италіянцы согласно съ древними Греками : *L'universale non z'inganna*, ш. е. Всѣ люди вообще не обманываются. У предковъ нашихъ крѣпкое упованіе на сильную помощь и покровъ Бога произвело поговорку : *Руской Богъ великъ*, или какъ лѣтописецъ нашъ, изображая поражение Монголо-Татаръ, влагаетъ въ уста вождя ихъ Мамай слова : *Великъ Богъ Хрістіанскій!*

Вѣра Рускихъ въ премудрость , всемогущество и благость Промысла Божія, выражающія слѣдующими пословицами, еще невышедшими изъ употребленія: *Богъ все свое строитъ — Богъ старой художникъ — Умная голова, разбирай Божи дѣла — Кто таковъ, какъ не Богъ — Богатъ Богъ милостью*. Въ упованіи на

правосудіе Творца, мздовоздающаго, обиженный на судъ человѣческомъ, или прищѣсенный сильною рукою, предавая дѣло свое Богу на судъ, утѣшался ираощескими пословицами: *Сильная рука Богу судить — Люди съ лихоостью, а Богъ съ милостію — Богъ видитъ, кто кого обидитъ — Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ.*

Сія утѣшительная надежда вела къ преданности и покорности Промыслу, о коихъ скажутъ намъ сами предки своими словами: *На Бога положишься, не обложишься — Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ — Богъ дастъ день, дастъ и пищу — Богъ далъ животъ, Богъ дастъ и здоровье — Богъ дастъ и въ окошко подастъ.* Но чтобы сіе упованіе, столь спасительное, не сближало съ крайностиами — безпечностью и нерадѣніемъ, столь губительными для человѣка, предки наши осперегали: *На Бога надѣйся, а самъ не плошай — Боже помози, а ты не боже, не лежи — Богу молись, а къ берегу грѣбись — Молись, а злыхъ дѣлъ берегись;*

ибо береженаго и Богъ бережетъ. Другая крайность—опшчяніе видно въ пословицѣ, вѣроянно родившейся въ Сибири: *До Бога высоко, до Царя далеко.* „Жаль—замѣчаешь Митрополитъ Филаретъ — „если „шакая мысль имѣешь силу въ народѣ, ко- „шорому приближеніе къ Богу опшкришо „благодатию Божіею; но видѣ благодати „Богъ и Его достшойное Богопознаніе и „Богопочтеніе подлинно ешь *высота* не- „достшожимая“ (1). „Рано кому не дано— „присловица — говоришь Архіепіскопъ Ана- „спасій — „опшчно чудная. Развъ кому „дано, для шого уже поздно? О! весьма „не рѣдко случается; чшо люди дають „хлѣбъ шогда, когда во ршу зубовъ нѣтъ.“ „Награждай и будущія предполагая заслу- „ги, хошя насшоящія и не велики (m).“ Къ довольству своимъ сосшояніемъ призываетъ пословица: *Не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ.*

(1) М. Филарета Слова къ Моск. Пасхѣ. С. II. 1822. Ч. I. 8. — Тухона В. Сокровище духовное. С. II. 1784. 2 ч. 8.

(m) Поучищ. слова Преосв. Анастасія Братсковова. IV часши. М. 1814. 9.

Простой народъ, у насъ, большею частію, неграмотный, научается дѣшею своихъ благоумравію и добродѣтели пословицами, близкими къ правиламъ св. Вѣры и преданіямъ православной Церкви. Прародительскія слова, какъ наследственныя заповѣди, повсюрююся и примѣняюся попомками къ разнымъ обшюпельсшвамъ жизни и часшо, по старинному обычаю, съ пожелаіемъ покойникамъ вѣчной памяти, именно такъ: правду говаривалъ покойный дѣдушка, бапюшка и мапушка, царство небесное: *Хвала Бога, не погибнешь, а хула, не воскреснешь, или За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадетъ, или Молится впередъ пригидитя, За Богомъ пойдешь, доброй путь найдешь.*

Увѣренность во всемогуществѣ и благосши Творца вселенной, неразлучная съ благоговѣйнымъ чувствіемъ испинной вѣры, у нашихъ предковъ имѣла сильное вліаніе на сѣмейный и гражданскій бытъ; у нихъ никакое дѣло не начиналось и не оканчивалось безъ Бога, и мѣсто и время

свящилось непоколебимымъ мнѣніемъ, что
безъ Бога ни до порога.

Благочестіе къ Богу изкони соединялось на Руси съ любовію къ родинѣ и съ уваженіемъ къ правленію; нерѣдко имя св. покровителя города или обласпи означало собою цѣлый народъ, права его и правленіе; въ свѣдѣніи заключалась и рѣдина: епо мы видимъ въ оудѣльныхъ Государствахъ, побратавшихся между собою, Новгородъ и Псковъ и въ другихъ удѣльныхъ Княженіяхъ Россіи. Такимъ образомъ *Святая Софія* говорилась вмѣсто Великаго Новгорода; ибо, по словамъ Новг. Лѣтоп. спр. 84: „Гдѣ Свяшная Софія, шамъ и Новгородъ“; а вмѣсто Пскова, *Святая Троица*. „По, шагнемъ, брашья (говоришь Довманш Псковской дружинѣ), за Свяшную Троицу.“ В. К. Іоаниъ далъ крѣпкое слово своему шурину, Тверскому Князю Михаилу Борисовичу: *не вступаться въ домъ Святаго Спаса*, ш. е. ушвердишь независимость Тверскаго Княженія. Съ восклицаніемъ *за домъ Пресвятыя Богородицы* (ш. е. за Большою Московскій Успенскій

Соборъ) сколько побѣдъ одержано Руски-
ми воинами! Такимъ образомъ Святыя по-
кровищели Государства и города были
предспавищелами оныхъ, равно какъ и цѣ-
лыя приходы, погосшы и волосши получа-
ли свое имя ошъ церквей.

На благочесши къ Богу основываешя
преданносшь Рускихъ къ Государю сво-
ему, ушвердившяся съ эпохи Единодержа-
вля въ Россіи соединенной. По вѣрѣ народ-
ной, *Царь есть Богъ земной* и чшо ни дѣ-
лаешя въ Государствѣ, все по власти Бо-
жіей и Государевой (п). Такія слова доказы-
вающъ безпредѣльное повиновение Рускихъ
къ своимъ Государямъ и уподобление ихъ
воли власши Божіей. Бывшій при Царѣ
Іоаннѣ Васильевичѣ посломъ Принцъ Буххав-
скій свидѣтельспвуешъ, чшо „если кому изъ
„Рускихъ пожелаешъ добраго здоровья: шо
„на сіе ошвѣчаешъ: „Дай Боже, чшобы
„здравъ былъ Великій Государь нашъ, а за
„нимъ и мы его подданные. Еслижъ спро-

(п) Примѣчанія Болтина на Исторію Россіи соч.
Леклерка. С. П. 1788. ш. 2. стр. 388.

„сишь у кого о чьемъ либо владѣнїи: шо
 „скажешъ: „Государево, да его.“ Въ наро-
 „дѣ говорившя, что „не знающъ, какъ и
 „подумашъ о своемъ Государѣ, Богъ и не
 „Богъ, человекъ и болѣе человека.“—Какое
 подобоспращенїе и покорносшь имѣли дѣши
 къ опцу, шакое подданные къ Государю,
 починая Цареву волю за Божию; посему
 Государя именовали они *батюшкою* (*Госу-
 дарь-Батюшка, Надежа-Государь*), Госу-
 дарыню *Царщей-матушкою*, себя людь-
 ми *Божїими и Государевыми*, а соб-
 швенносшь свою *Божїею и Государевою*,
 по извѣсшному присловью: *все Божїе, да
 Государево*. О союзѣ душевномъ Царя съ
 народомъ гласишь спаробышная послови-
 ца: *Царь думаетъ, а народъ въдаетъ*.

Опшъ нѣвѣжесшва родилось суевѣрїе,
 кошорое занимаешъ средину между изувѣр-
 швомъ и вѣрою, а опшъ превращаюга и
 произвольнаго шолкованїя словъ Св. Пи-
 санїя возникли расколы. И суевѣрїя и ра-
 сколы часто выражающя и сохраняющя
 въ поговоркахъ и пословицахъ, какъ
 любимой одеждѣ своей, въ коей мнѣнїя

удобнѣе передаются и принимаются. Между разными примѣтами и повѣрьями, въ народѣ господствующими, донинѣ ведется, что *Кто прочтетъ всю Библию, тотъ съ ума сойдетъ* (о), или какъ говорятъ, *загиается*. Чуждаясь школьнаго ученія, шаровѣры въ Романо-Борисоглѣбскѣ прозываютъ оное *Шведскою* (ш. е. свѣтскою) *грамотою*.

Во многихъ мѣстахъ Россіи проспой народъ вѣруя, что *матушка пшеница гильвается на тѣхъ, которые съ день ея работаютъ*, празднуютъ пшеницѣ. У Христовщины жь нарядивъ дѣвку, чествуютъ ее *Пшеницею*. Послѣ Святой Недѣли бывають по городамъ, селамъ и деревнямъ шорги, кои извѣстны подъ именемъ *временныхъ пшеницъ*: пошому что они приходятся въ пшений день седмицы, олицетворенный суевѣріемъ (р). О непосполян-

(о) Моск. Телегр. 1829, N. 18.

(р) Въ нашихъ свѣдѣніяхъ Св. Параскеву называють *пшеницею* пошому, что у Евреевъ день пригосовленія (*Парабкву*) къ субботѣ былъ

спвѣ и переменчивости говорихся: *на недѣль семь пятницъ*; что вѣроятно прежде значило: вся недѣля безъ дѣла, праздникъ.

У различныхъ шолковъ, или шакъ называемыхъ согласій, естъ свои коренныя мнѣнія, обратившіяся въ поговорки. Двуперстное сложеніе шаровѣры, по свидѣтельству Митрополита Платона (q), ушверждающъ пословицей: *Якоже благословистеся, тако и креститесе. Духоборцы почиашъ Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ*, говоря: *Поклоняюся Христу намазанному, написанному, а Христу животворному*. Хлыщовщина, опчасши сходная съ бичующимися Западной Церкви, говоритъ: *Себя хлыщу, Христа ишу*, и держась ложнаго и вреднаго мнѣнія о средстввахъ примиренія съ Богомъ, учишъ, будшо

нентъ же, что у насъ пашница, и по сказанію въ Чешьн мненъ, Окш. 28. См. *Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками*, соч. въ Рязан. Семин. М. 1825 г. 8.

(q) Его Крашкая Церковная Исторія. М. 1806: 2 ч. J. *Moshemii* Inst. Historiae Christ. Lips. 1783.

не соеръша, не умолишь, или Если не еръшитъ, такъ не о чемъ и молить, или Должно еръшитъ для того, чтобы не престанно молиться и каяться (г). Епо же согласіе оправдываетъ свое незаконное сожитіе съ женщинами поговоркою: *Женаты еръшатъ, да не каются, а мы еръшимъ, да каемся.* Скопцы ушверждають: *Коли себя скоплю, такъ рай себъ куплю.*

Наши лѣтописи, старобышныя законы и обычаи свидѣтельствуютъ о великомъ уваженіи Славяно - Руссовъ, въ Языческѣ и въ Хрістіанскѣ, къ волосамъ, слывущимъ *честными и святыми*, и къ бородѣ; Рускіе, подобно Евреямъ, (s) клялись бородою, какъ свяшынею, и хранили ее, какъ знаменіе чести и сановности. Князь Росповскій, отрицаясь предъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ ошъ переписки съ Польскимъ Королемъ, клялся, чшобъ *ему не видать своей бороды!* Старообрядцы

(г) Его *Розыскъ.*

(s) *Archaeologia Biblica* J. Jahn. Viennae. 1814.

полагая образъ Божій съ бородъ, а подобіе съ усахъ, ушверждающъ, что безъ бороды и съ рай не пустятъ. По свидѣтельству Коллинса, Рускіе болѣе вѣряшъ слову чело-вѣка брадашаго, нежели кляшвѣ безбородаго; однакожь у нихъ естъ пословица: *Вѣрь бородъ, а порука съ водъ*. Кому не извѣстно, какое гоненіе было при Пешрѣ I за бороды, какъ крѣпко за нихъ спояли спаровѣры, повшоря: *Ръжь наши головы и не тронъ наши бороды!* По свидѣтельству Св. Димитрія Росшовскаго, они говорили: *Готовы глазы наши за брады наши положить*; ибо бришь бороду, по ихъ мнѣнію, значило *портить образъ Христовъ*. Сколькихъ жершвѣ спояла сія преждевременная борьба съ предрасудками народными! — Уваженіе къ спаросши и спаршинству, споль похвальное въ Рускомъ народѣ, ввело пословицу: *Гдѣ старья, тамъ и статья*, и было основаніемъ шолка *Стариковщины*, или *Сосфонтьевичинь* (1), кошорый шому и вѣруешъ, что

(1) Пращица. лисшъ 2 и Церк. Словарь П. Алексеева. IV ч. М. 1816.

спаряки скажущь, не входя въ разсмотрѣніе догматовъ ученія. Раскольники и спаровѣры вообще называютъ Православныхъ *суетными*, *щепотниками*, а по Никону Паптріарху, исправившему книги церковныя, *Никоніанами*, говоря: *у насъ свой Богъ, а у Никоніанъ другой* (u).

Съ Петра I началось въ Россіи ношеніе париковъ и при Аннѣ Ивановнѣ вошло въ обыкновеніе, какъ видно изъ Кантемировыхъ саширъ; тогда говаривали: *Старикъ надъль хотъ и парикъ, а не будетъ Католикъ*, показывая шѣмъ, что парикъ не мѣшаешъ Православію. Рускіе изшари чувствовали отвращеніе отъ шабаку, за нюханіе коего Сщоглавоу и древними успавами присужалось строгое наказаніе; однакъ Преобразовашель Россіи конспрактомъ своимъ въ Лондонѣ 1698 г. о шорговлѣ шабакомъ въ Россіи, ввелъ употребленіе

(u) Письма изъ Малороссіи *А. Левшина*. Харк. 1816.

онаго между всѣми сословіями. Какъ тогда шарообрядцы гнушались, шакъ и шеперь гнушающіяся симъ зелиемъ, говоря пословицей: *Кто табакъ пьетъ, да куритъ, тотъ Святый Духъ изъ себя туритъ.* Также о другомъ предметѣ роскоши и слашолобія, чаѣ и кофеѣ, болѣе закоснѣвшіе шаровѣры швердятъ: *Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай, или Китайская стрѣла въ Россію вошла, въ крестьянскія сердца, сеубила всѣхъ до конца. Кто кофею пьетъ, того еромъ убьетъ и ш. д.*

Собраніе подобныхъ смволовъ между разными секшами или шолками предшавило бы духъ разныхъ ученій, какимъ слѣдуютъ въ разныхъ споронахъ Россіи, и дополнило бы Испорію ересей и Философій.

в.) Обычаи и нравы въ пословицахъ.

Чѣмъ больше что либо издавна пришло въ обыкновеніе, тѣмъ глубже укоренился предразсудокъ. Нравы и обыкновенія, къ коимъ приноровился и приобыкъ какой либо народъ, совершенно господствуютъ надъ мыслями и дѣйствіями онаго по силѣ привычки и по праву давности. Пословицы, какъ общій языкъ, выражаютъ или то, что существуетъ, напр: обычай и нравы, или то, чему должно быть: нравоученіе, или нравственность. Начнемъ съ первыхъ, дабы легче перейти къ послѣднимъ.

Препод. Неспоръ говоришь, что Славяне *„имѣяту обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданье, каждо свой нравъ.“* Различіе нравовъ и обычаевъ по времени и по мѣстности въ Россіи подтверждается самою пословицей: *Что городъ, то нравъ: что деревня, то обычай,* или *Во всякомъ подворьѣ свое поворье.* Въ Рускихъ нравахъ и обычаяхъ, коими, какъ увидимъ, замѣнялись зако-

ны, опсвѣчиваешся Язычество, замѣненное Хрістіанствомъ , а опъ сліянія въ Россіи разныхъ народовъ въ разныя эпохи коренное Славянское, Руское, Визаншійское, Ташарское, Липовское, Германское и п. д.; опъ сего въ жишѣ бывшѣ народа нашего сливаешся Сѣверное съ Воспочнымъ и Западнымъ , Азіяшкое съ Европейскимъ. Какъ древнія сношенія Рускихъ съ Греками и двухвѣковое владычество Монголо - Ташаръ , шакъ равно эпохи Единодержавія съ Іоанна IV и Преобразования съ Пешра I во многомъ измѣнили старинныя нравы и обычаи народныя , въ коихъ хоша видны и спранныши , грубоспъ и невѣжеспво , но пришемъ еспъ просшоша, доброша и другія похвальныя качества. Среди такихъ переворошовъ Славянское замѣняясъ Рускимъ , Ганза Ордою , Визаншійское Нѣмецкимъ , обласпныя Вечи Думами Единодержавія, взаимно кляли свой цвѣшъ на обычаи и нравы народныя , кои опъ сего сдѣлались споль неспрыми , что едва можно по мѣшмамъ опшчить главные ихъ цвѣшш. Опъ разнородной ешой примѣси, по посло-

зиць, иногда то стыдно и грѣшно, то въ
обычай вошло.

Жизнели разныхъ споронъ Великія,
Малыя, Бѣлыя и Черныя Россіи въ *Сла-
вянскій, Русскій, Татарскій, Москов-
скій и Петровъ* періоды должны имѣшь
свои нравы и обычай, и соопвѣщешвуюція
онымъ пословицы, какъ упопрѣбитель-
ные шѣхъ и другихъ предшавшели;
но опъ смѣшенія въ нихъ древняго съ
новымъ, опечеспвеннаго съ иноземнымъ,
языческаго съ Хрістіанскимъ, не всегда и
не вездѣ можно съ достовѣрностію положишь
разграничительную чершу, гдѣ оканчи-
ваешся одно и начинаешся другое; ибо и древ-
ніе Лѣтописцы наши нерѣдко произвольно
пересшавляли происшесшвія изъ вѣка въ
вѣкъ, съ одного мѣста на другое.

Посему и будемъ слѣдовать въ епомъ
опдѣленія болѣе порядку самыхъ предметовъ
по опношенію ихъ къ Нравшвенности, неже-
ли Хронологіи, приводя здѣсь особенно шѣ изъ
сшаринныхъ обычаевъ, о коихъ воспоминанія
храняшся въ Лѣтописяхъ, преданіяхъ и
песловицахъ: слѣды ихъ опкрываюшся также

и въ разныхъ споронахъ Россіи: что вывелось въ одномъ, по ведешся еще въ другомъ мѣстѣ, и часпнымъ иногда объясняешся общее, древнимъ новое, иноземнымъ опечешвенное. Общимъ согласіемъ обычаи, принимающся и опмѣняющся, и слывущъ по спаршинству *древними, давними*, кои вывелись, или еще удерживающся и въ новыя времена, а по нововведенію *новыми*.

Подобно многимъ изъ Воспочныхъ и Славянскихъ народовъ, опличительном чершой нравовъ и обычаевъ въ предкахъ нашихъ и среди Язычештва было почшеніе къ спарѣйшимъ, кошорое ушверждало благоуошройство сѣмейное и опчешвенное; оно признавалось главнымъ правиломъ нравешвенности народной и полишки Государешвенной и въ Хрїстіанствѣ, опшвердившемъ спаробышное заведеніе. *Старшихъ* — говаривали — *и въ Ордь почитаютъ*. Лѣшописи наши исполнены умилишельными и назидательными примѣрами сей папріархальной добродѣтели, зиждишельницы и блоспишельницы Рускаго Государештва. „Спарыя чши — яко „оща — учишъ Владиміръ Мономахъ — а мо-

„лодыя яко брашью.“ Псковскій Князь Довмоншъ, ободряя малую дружину свою прошивъ многочисленнаго врага, велъ ее къ побѣдѣ слѣдующими словами: „Брашья, мужи „Псковичи! кшо спаръ, шощъ ошець, а „кшо молодъ, шо брашъ.“ Подлинно, гдѣ единоемцы душами соединены, шамъ спаршими опцы, а младшими брашья. —

Братское старъишинство Великаго Князя въ отношеніи къ Удѣльнымъ, какъ спаршаго брата къ меньшимъ, между прочими соспоало въ шомъ, чшо они должны бышь съ нимъ за одно безъ лисы (Gift?) и подобно усшаву вееодальному, были „съ братомъ своимъ „вездѣ за одинъ и до своего живоща: а кшо „Князю другъ, шо и шобъ другъ, а кшо „будешъ Великому Князю недругъ, шо и „шобъ недругъ“ (v). При жизни спаршаго брата Олега В. К. Игорь I опказываешся приняшь правленіе. Мспиславъ Владиміровичъ увѣдомляешъ бѣгущаго опъ него Олега Свящославича, чшо желашъ

(v) См. въ *Посл. Митроп. Росс.* посланіе ко Ки. Дмишрју Юрьевичу. У Вико приведена слѣ-

съ нимъ примиришься, а не воевашь какъ со спаршимъ. Князья Давидъ и Мспиславъ Роспиславичи въ 1174 г. ошказались ошсбивашь Кіевскій пресшдль, но послали къ В. К. Владимірскому Андрею Боголюбскому, какъ спаршему въ родѣ, просишь его соизволенія (w). На уваженіи къ спаршинству основано было въ Россіи право, кошорое ошдавало пресшдль спаршему въ родѣ, а не сыну послѣ ошца — право впрочемъ вредное по своимъ слѣдшвіямъ и не испребившееся еще при Іоаннѣ IV. Такъ какъ *старья* почишалась *статьею*, ш. е. успавомъ, порядкомъ: шо и спаршіе, по своей ошпышности и благоразумію, предпочишельно избирались въ начальники, судьи, свидѣтели и совѣшники. *Старина съ мозеомъ*, ш. е. съ умомъ.

Съ благочесшіемъ къ Вѣрѣ и съ пошпеніемъ къ спаршинству соединилась и

дующая формула Феодальная, сходная съ вышеозначенною: (Ligue) celui qui doit reconnoître pour amis et pour ennemis tous les amis et les ennemis de son Seigneur. см. Principes de la Philosophie de l'Histoire, par Vico, à Paris. 1827.
(w) см. Труды О. Иш. и Др. Росс. ч. 2. см. *Арцыбышева*.

покорносшь въ Рускихъ къ Начальству, какъ власни оиъ Бога посшавленной. Послѣ уни-чшоженія Удѣльной сусщемы, Новгородской и Псковской Сшарины и по водвореніи Еди-нодержавія въ Россіи, когда на Московщинѣ спшали говоришь подданные, что они *душею Божию, а тѣломъ Князіе*; шогда вошло въ обычай, при подаваніи боярами Царю просьбы или совѣща, приговаривашъ: *А всего свѣше, Государь, вѣдаетъ Богъ, да Ты; какъ тебѣ Богъ на сердце положитъ*. Гвани-ни и Болшинѣ шакже свидѣшельсшвуюшъ, что и Царь ошвѣсшсшвовалъ просишелямъ: *Если будетъ Богу угодно, или Если Богъ велитъ: я это сдѣлаю*. О мнѣніи народномъ, что *Сердце Царевое въ руцѣ Божіей*, свидѣшельсшвуюшъ Пешрей и спарая поговорка: *Про то вѣдаетъ Богъ, да Царь*.

Слова Теофана Прокоповича, что „вожделънно всѣмъ видѣшь лице Царское“, оправдываюшся благоговѣйнымъ въ народѣ обычаемъ *видѣть свѣтлыя Царскія очи*. Особенно для сего собирался народъ въ день Сумеона лѣшопроводца, въ Москвѣ на боль-

шую Ивановскую площадь, гдѣ Царь, по древнему обычаю, сидя на пресполѣ въ Царской одеждѣ, окруженный боярами, принималъ благословеніе оцѣ Митрополита, или Патриарха и привѣщствіе оцѣ подданныхъ, тогда еще именовавшихъ себя рабами. Въ 1698 году, 1 Сентября, Пётръ I въ послѣдній разъ исполнилъ сіе древнее заведеніе въ Москвѣ, начавъ 1700 года по иностраннымъ обычаямъ праздновать начало новаго лѣта съ Января мѣсяца (х).

Какъ въ соединеніи сѣмействъ, составляющемъ Государство, главою Государь и Законъ, такъ и въ каждомъ сѣмействѣ природою и закономъ повеленъ отецъ онаго. Слѣдующими пословицами изображается власшь домовладыки: *Въ домъ нѣтъ хозяина больше; попечительность его — Добрая голова сто головъ кормитъ; наслажденіе его — Хозяинъ въ дому, какъ Авраамъ въ раю; обиліе и довольство у него — Домъ какъ полная чаша.* Но и трудности вещи порядокъ и водворить благоденствіе въ домъ выражающія посло-

(х) Дѣянія Петра I, ш. X.

вицами: *Домъ яма: стой прямо—Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому—Домомъ жить, не разиня ротъ ходить.* Владиміръ Мономахъ даешъ дѣшямъ своимъ о хозяйствѣ слѣдующій совѣтъ: „Въ дому „своемъ не лѣнишеса, но все видише, не „зрише на шивуна, ни на опрока, да не „посмѣюшся приходящи къ вамъ и дому „вашему и обѣду вашему.“ Домашнее устройство надѣяло хозяйна спорыньею кошорая почишалась *выше богатства*; оно шребовало его присмотря: *Хозяйскій глазъ смотрѣкъ, а не свой глазъ, не любой кусъ.* Труды хозяйна раздѣляешъ хозяйка; онъ домовникъ, она домовница; онъ него, по пословицѣ, должно *пахнуть вътромъ, онъ нее дымомъ*; ш. е. онъ внѣ дома приобретаешъ, она приобретенное хранишъ и въ пользу употребляешъ. Иначе, *не столько мужъ млышкомъ, сколько жена горшкомъ вытаснутъ изъ дому*, ш. е. не сполько мужъ, сколько жена можешъ разорить домъ. Также *Добрая жена домъ сбережетъ, а плохая своимъ рукавомъ разнесетъ.*

Бракъ въ старину у насъ считался не однимъ договоромъ, какъ по естественному праву, но основаніемъ общественаго благоустройства, закономъ, судомъ Божиимъ и священнымъ, вѣчнымъ союзомъ, кошорый связывала сила вѣры и цѣль природы. Мужъ величаемъ былъ главою, а жена — душою. Нравы и обычаи предковъ служили мѣрою счастья и залогомъ швердоспи сихъ союзовъ; ибо старинные мужья полагая, что *воля дѣбру жену портитъ*, не давали воли женамъ. Владиміръ Мономахъ совѣщуетъ дѣцямъ своимъ „Женъ любить, но воли имъ не давай надъ собою.“ Даниль Започникъ (XII в?) приводитъ мірскую прищчу: *Не мужъ въ мужьхъ, кльмъ своя жена владѣетъ, не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити.* Герберштейнъ первый сказалъ, будто жена Россіанка не увѣрена была въ любви своего супруга безъ часныхъ опъ него побоевъ; хошя сіе могло бытъ только опчаспи испиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравственностію времяя ига Батыева. Къ

ещому же обычаю относятся пословицы: *Милаго побои не долго болятъ*, или *Милые бранятся, только тлышутся*—*Люби жену какъ душу, а трясина какъ ерунду*, или *бей какъ шубу*, сходная съ Теренциевымъ стихомъ: *Amantium irae amoris integratio est*, III. е. „брань любящихся есть возобновление любви.“ П. Пепрей приводишь въ свидѣтельство саму одно судебное дѣло и употребительное слово, которое и теперь еще повсюду встречается женами въ оправданіи отъ сполницъ: *Ты меня не любишь; ты меня не бьешь!* „Рускіе, говоришь одинъ чужестранный путешественникъ по Россіи въ XVII вѣкѣ, не давали воли женамъ по пословицѣ своей, похожей и на Нѣмецкую по сходству нравовъ: *Кто женѣ своей волю даетъ, тотъ самъ себя окраживаетъ*, (*Wer seinem Weibe die Freiheit lässt, beraubet sich selbst*) (у),“ или *Когда женѣ спускать, такъ въ чужихъ домахъ ее искать*. — Впрочемъ даже во Франціи, славящейся нежностію нравовъ,

(у) Anhang von der Russischen, oder Moskowitischen Religion. Leipzig. 1698. 12.

до временъ Людовика XIV, по свидѣтельствъ Боменуара, старинные обычаи давали мужьямъ полную власть надъ женами (2), именно: *battre leurs femmes à loisir*. Но это водилось въ старыя годы, какъ видно изъ слѣдующей пословицы: *Въ старыя годы бывало, мужъ жену бивалъ, а теперь жена мужа бьетъ*.

Не взирая на такое самовластіе старинныхъ мужей въ Россіи надъ женами, которое, по нравамъ и по духу нашего времени, можешь назваться суровоспью и даже жестокоспью, до В. К. Сумеона Гордаго не слышно почти было о разводахъ (а), кои и до XVIII вѣка весьма были рѣдкими и почишались поворными и грѣшными. *Женидѣба есть, гласишь: пословица, а розженидѣбы нѣтъ. Доброе замужество поскименье*. Рафаиль Барберини въ XVI вѣкѣ описываетъ древ-

(2) *Болтина* Примѣчанія на Исторію древней и нын. Россіи, соч. Леклерка. Спб. 1788. т. 1. 4.

(3) Однако въ прежде его встрѣчающся сіи случаи въ Лѣшод. Ник. II. 53. Воскрес. II. 135. Ярославцевъ въ III 9. Романа Мстиславича въ 1203 г. 3. Замѣч. *Арицыбышева*.

ній обрядъ развода въ Россіи, который состоишь въ томъ, что „мужъ съ женою идешь къ проточной водѣ и спавовишься каждой на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холщину, плануть ее до шѣхъ поръ, пока не разрвушь, шакъ что у каждого изъ нихъ оспавешся по половинѣ въ рукахъ. Послѣ сего расходясь, кому куда угодно и дѣлаюсь свободными.“ Не ешли было *лады у воды* въ ироническомъ смыслѣ? Вспупленіе въ монашество иногда разлучало шакже несогласныхъ между собою супруговъ, какъ гласишь преданіе и слѣдующая поговорка : *Отъ женъ люди постригаются.*

И жребій и имущество почишались общими у жены съ мужемъ, шакъ какъ велось у Германцевъ; что и оправдываешся старинною ихъ пословицей: *Mann und Weib sind ein Leib*, т. е. мужъ и жена одно шѣло, а по простому Рускому выраженію, *Мужъ и жена одна душа.* Согласіе и любовь — *ладъ*, почишался залогомъ семейшвеннаго благоденствія, выше самаго богатштва : *Не надобенъ и кладъ, коли*

у мужа съ женою ладъ. О несогласіи же супружескомъ говорили: *Коли поидеть екось, да врозь, такъ дѣло и брось.* —

По стариннымъ обычаямъ и законамъ, жена, убившая своего мужа, живая зарывалась въ землю по самыя плечи и шакъ окончивала жизнь свою (b). Майербергъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ ешой казни въ Москвѣ. Хотя Царь Феодоръ Алексіевичъ 1679 г. и запретилъ закапывать въ землю женъ за убійство своихъ мужей; однако Бруинъ при Пешрѣ 1 видѣлъ въ Москвѣ 1702 г. шакую казнь, какая была въ Енисейскѣ и при Аннѣ Ивановнѣ. Ошъ ешаго вѣрояшно и сравненіе, обратившееся въ поговорку, *какъ вкопаная?* „По старинному судебному обычаю“ — свидѣтельницашеуешь очевидецъ Пешрей — „нарушишель свяшосши супружескаго ложа повинень былъ плашннш шакую сумму денегъ, какую законный мужъ пошребуешь, и сверхъ шого, долженъ бышь провоженъ ударами плещи ошъ дверей Приказа до опозореннаго имъ дома; а пресшупная жена подвергалась, въ присуш- (b) Новоук. сшашей, 98.

спвѣи родныхъ, плѣсному наказанію и (что бывало у древнихъ Германцевъ (e)) осприженію волосъ на головѣ, или заключа-лась въ монаспырь; тогда ея мужу позволя-лось взять себѣ другую жену.“ Сполъ силь-ныя и жестокія врачевства упошребляли предки наши, подобно Визанційцамъ, для врачеванія распухшва, нарушающаго ча-епное и общее благо. Слово *рогоносецъ*, какъ выше замѣчено, взяшо опъ иносстран-цевъ; объ немъ Рускіе говорили, по свидѣ-тельству Колинса, что онъ *валяется подъ лавкою*. — Но все еще спарина, а *ста-рина*, по давней пословицѣ, *что диво!*

Супружесство спаринное заключалось не по-одному влеченію пылкой спраепи юношей, но по благословенію родителей, которые, сами выбирая изъ добраго, пріятельска-го сѣмейства сыну невѣшу, а дочери жениха, обращали спаринное дружесство въ свойство и родство. Женихъ и невѣста до брака и не видали другъ друга. Спарая посло-вица учила: *Первую дочь бери по отцу и матери, а вторую по сестрѣ*, ш. в. глядя

(e) С. Taciti de mor. Germ. с. 19.

шому, какъ опецъ и машь живешъ, или какъ выданная за мужъ дочь ихъ. *Выбирай жену не глазами, но ушами*, ш. е. не смопри на однѣ внѣшнія красы, а на доброе объ ней мнѣніе. Родители, кошорые *берегли дочь до вѣнца*, передавали власшь свою мужу ея, кошорый долженъ былъ *беречь ее до конца*. По сшаринному заведенію, кошорое нынѣ сохранилось болѣе между людьми сшариннаго вѣка, дѣвицы подѣ надзоромъ родителей, жили въ уединеніи, рѣдко показывались и въ церквахъ, занимаясь дома рукодѣльями и причаясь къ хозяйшву, какъ основанію сѣмейнаго благососшоянія. Машери съ дочерьми не шолько у бояръ, но и у Царя, хоша и не ходили на рѣку мышь бѣлье подобно Гомеровымъ Царевнамъ, а въ шеремахъ своихъ прядли и шкали холсшь на рубашки мужьямъ и вышивали золошомъ, серебромъ и шелками ширинки и пр. Жены, кромѣ Новгородскихъ посадницъ, не всшупались въ мужскія дѣла; ибо сшарая поговорка съ обычаемъ присужала имъ *знать свое кривое веретено*; шакъ Салійскій законъ в прясличномъ правѣ

(droit en quenouille) отпращалъ во Франціи женщинъ отъ правленія. Спаринные обычаи предписывали дѣвицамъ зашворничесво въ шеремахъ; что видно и изъ слѣдующихъ пословицъ: *Держи деньги въ темнотъ, а дѣвку въ тлснотъ*, или *Всякъ бы про дѣвужку слышалъ, да не всякъ бы ее видѣлъ*, также *Въ кльткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы*. Иные полагають, что сей обычай заимствованъ Рускими отъ Ташаръ; но кажешся его происхождение еще древнѣе, какъ свидѣтельствуетъ и самое слово, упоминаемое Неспоромъ, и спроеіе *τέραμος* и *τέρεμνον*, *теремъ*, перешедшее къ намъ отъ Грековъ; ибо извѣстно и то, что древніе Еллины и Визаншійцы не давали свободы женщинамъ и держали ихъ въ особыхъ внутреннихъ покояхъ дома, кои у первыхъ назывались *γυναικείον*, у другихъ *τέρεμνον* (d), и *γυμνάσιον ἀπὸ τερέμωνων*,

(d) Antiquités grecques, trad. de Robinson, à Paris. 2 v. 1822. 8. — По свидѣтельству Неспора; (по Лавр. сп.) у Ольги былъ дворъ *теремный* и *теремъ каменный*. Дворецъ *теремный*, до нынѣ подъ симъ названіемъ существующій въ Москвѣ, заложенъ былъ въ 1499 г. Архитекторомъ Миланскимъ Алевизомъ.

дѣвичьи свѣшелки, или вышки, и покой для новобрачныхъ у *Еврип.* *Hipp.* v. 768., у *Лукиана ѳрот.* 34., такъ какъ въ Русскихъ пѣсняхъ и присловьяхъ, *ὕψιλὰ τέρεμα, высокіе терема.* Спаринное сказаніе изображаетъ намъ великолѣпіе шерема, гдѣ хранилась красота съ цѣломудріемъ: „На небѣ солнце, въ шерему солнце; на небѣ мѣсяцъ, въ шерему мѣсяцъ; на небѣ звѣзды, въ шерему звѣзды и вся красота, „поднебесная.“ Рука Преобразователя Россіи начала открывать заклеты шеремовъ и выводилъ женщинъ на свѣтъ.

Дѣши оупъ добраго сердца вѣрили, что покорносшь судьбѣ и волю родительской благословляешся милосіію Божіей; уваженіе къ свяносши закона часію замѣняло любовь, копорая приобрыпалась и упрочивалась временемъ, скрѣплялась залогамн супружескаго сожитія. *Невольники бываютъ счастливы,* гласилъ пословица о пѣхъ, копорые волю свою предаюпъ волю Божіей и родительской. Съ такою преданносшью шерпѣли жены и суровосшь мужей своихъ, побѣдая ее крошосіію—

вѣрнѣйшимъ оружіемъ, какимъ природа снабдила женщину.

О неравенствѣ лѣтъ при бракосочетаніи жениха и невесты говоритъ пословица: *Невеста родится, а женихъ на конь садится*; она напоминаетъ древній языческій обычай *сажденія на коня*, какъ бы Ташарское рыцарство: что дѣлалось болѣе во младенчествѣ ошъ двухъ до семи лѣтъ вмѣстѣ съ *постриженіемъ волосъ*; при чемъ, какъ и при крещеніи, бывали знатные люди восприемниками. Такой обрядъ, означавшій вступленіе младенца въ бышіе гражданъ, извѣстенъ былъ не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, по свидѣтельству М. Галла и Кадлубка. Ташищевъ увѣряетъ, что сіе постриженіе на его памяти совершалось между знатными особами и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужскія (е). Подобное обыкновеніе сохранялось у козаковъ, у кошорыхъ, по испеченіи со-

(е) *Татищевъ* Росс. Истор. кн. 3. 502. прии. *Аризмбишева.*

рока дней и послѣ очистишельной молищвы рожениць, опець подспригалъ младенцу волосы кругомъ и сажалъ на лошадь и поздравлялъ мамъ съ козакомъ. Когда же у младенца прорѣзывались зубы: тогда опець и мамъ возили его на конѣ къ церкви служишь молебень Св. Іоанну Воину о помъ, чпобъ младенець былъ *храбрымъ козакомъ* (f).

Не ушонченныя правила нравственнаго любомудрія, но св. вѣра и внутреннее ощущение справедливости, перешедшее въ общее мнѣніе, было у предковъ нашихъ основою любви родителей къ дѣтямъ и непреложнаго, пожизненнаго повиновенія дѣтей къ родителямъ, какъ источника семейнаго и общественнаго блага, и соединялось съ увѣренностію, что *Кто родителей почитаетъ, тотъ навъки не погибаетъ*, что *Родительское благословеніе на водъ не тонетъ, на огнь не горитъ*, что *Материна молитва со дна моря вынимаетъ*. Преподобный Песпоръ

(f) Руская старина, изд. А. Корниловичемъ, изд. С. П. 1825.

говоришь о Святославѣ Игоревичѣ, что „онъ не послушавъ мащери, яворяше но-
 „ровы поганскіе, не вѣдый: аще кто маще-
 „ри не послушаешъ, въ бѣду впадаетъ.“—
 Рускій народъ, согласно съ ученіемъ Св.
 Писанія, вѣришь, что *Отцовская клятва*
сушитъ, а материнская коренитъ.

Хошя въ старину у насъ опцы и не
 имѣли права проекрашно продавашъ дѣ-
 шей своихъ (g), какъ бывало въ держав-
 номъ Римѣ и какъ донинѣ ведется въ Ки-
 таѣ, гдѣ поняшіе о власши родишельской
 сильнѣе самаго закона; однакожь при вос-
 пишаніи дѣшей старинные родищели крѣп-
 ко держались правила: *Гдѣ страхъ*
тутъ и благодѣстіе; — прежде времени
 не давали имъ воли, вѣдая не изъ умозрѣ-
 нія, но изъ опыта, что *Воля заноситъ*
въ неволю: Въ старину была пословица,
 нынѣ почти выведенная изъ упошребленія
 новыми способами воспитанія, заимспвован-
 ными опъ иноземцевъ: *Ненаказанный сынъ*
бездѣстіе отцу — пословица, по видимо-

(g) Но однократно имѣли право ихъ продавать,
 какъ значится въ *Судебникѣ* § 75. А.

му, прошивная духу нашего вѣка и Русской сущности восприимчивости, пошворсшующей спрашмятъ, но согласная съ наспавленіями Іисуса сына Сирахова: *Любый сына своего оугаститъ ему раны, да возвеселится въ послѣдняя своя*. Какія видѣли мы благошворныя слѣдствія строгости при восприимчивости юношесства въ Римѣ, когда свяшо и ненарушимо хранились усшавы иредковъ, подобно огню неугасаемому Веспы — шакія же замѣчаемъ и въ своемъ опечесшвѣ, когда вышеприведенныя нами пословицы, суровыя впрочемъ для нашего вѣка, служили непреложными правилами въ сѣмейной жизни, которая ешъ розсадиикъ общесшвенныхъ добродѣтелей.

Какъ области издавна въ Россіи, шакъ и Государи и чашные люди брашались; и ешощъ союзъ душевный называясь у Рускихъ *побратимствомъ* (h), освещался церковнымъ обрядомъ; но, подобно усыновленію, послѣ опшмѣненъ. Между собою побрашавшіеся мѣнялись шѣльными

(h) Пошребиякъ Пашр. Флаареша, л. 144.

крестами, и именовались *братьями названными, побратанцами*, а въ Сибири *крестовыми*; при разрывѣ дружбы кресты возвращались одинъ другому: *Братъ не братъ, тажъ отдай мой крестъ*. Такимъ образомъ брашались и разбрашались. Брашвореніе извѣстно не только у Поляковъ (braterstwo, pobratanstwo), Богемцевъ (bratrstwo) Словаковъ (braterstvo), Далмашовъ (bratsztvo), Кроашовъ (bratinsztvo), Босняковъ (bratinsctvo) (i), но даже у Мугаммеданъ, у кошорыхъ, по заповѣди Мугаммеда, спранспвующіе въ Мекку на горѣ Арафѣ сдѣлавъ поклоненіе праошцу Адаму и сошворивъ молишву, взаимно объемлюся и шѣмъ свидѣтельспвующъ предъ Богомъ брашшво спранническое съ обѣщаніемъ другъ друга сохраняшь и почишашъ (k). У древнихъ Грековъ брашшвомъ (φρατρία) называлось полишическое раздѣленіе на-

(i) См. въ *Потребникѣ*, М. 1852, гл. 40. Чинъ брашворенія. „Паны Лшвовскіе побрашавшисъ и покумшисъ съ Рускими, пишешъ Сшрѣйковскій, населли пущыни Рускія.“

(k) Книга Свспіма Мугаммеданскія религіи. С. II. 1722. кн. V. гл. 6.

рода, которое вѣроятно имѣло основаніе въ сшарыхъ родовыхъ связяхъ. Въ Россіи понятіе Хрістіанскаго брашства, соединяющаго единовѣрующихъ, сходно съ понятіями Восшочныхъ жишелей, какія и доселѣ сущесшвуютъ между Мугамеданами. Круговая чаша, изъ коей Рускіе пили, слышеть *братиною*. (1) Въ Кошпромской и другихъ Губерніяхъ *братчиною* называется пиршесшво, усшроенное въ складчину; къ сему опносятся поговорка: *братчина складчина*. Сколько брашство и родство служили единеніемъ для взаимнаго вспоможенія, пользы и веселія, сполько раздѣленіе въ сѣмьяхъ крестьянскихъ, особливо замѣшное съ XVIII вѣка, влечеть за собою оскудѣніе, разрывая нѣгузы общенія и повиновенія, кои крѣпко соединяли душу съ душою. Родные брашья и при опцѣ и безъ опца не дѣлились, шакъ какъ и мужъ съ женою, сосшавляя одну сѣмью, въ коей сшаршій брашъ засшупалъ мѣшпо опца для младшихъ. *Впникъ не переломишь, а по шптъкъ весь изломаешъ — Доброе братство милье богатства.*

(1) Словарь Росс. Академіи. I изд.

„Будь къ сосѣдамъ добръ, пишешь
 „Капонъ (m): если спанешь жишь съ ни-
 „ми въ ладу, но скорѣе сбудешь съ рукъ
 „избышки свои; въ нуждѣ они шебѣ помо-
 „гушь, чѣмъ могушь.“ — Такихъ пра-
 виль держались и предки наши, доро-
 жа добрымъ сосѣдствомъ: *Не купи себѣ*
домъ, говаривали они пословицей, *да ку-*
пи сосѣда. Вода между собою хлѣбъ-соль,
 какъ *взаимное дѣло*, пособляя одинъ дру-
 гому *не въ службу, а въ дружбу*, и на-
 слаждаясь взаимною довѣренностью и добро-
 хотствомъ, они любили жишь съ сосѣдами
 душа въ душу, такъ, чшобы былъ *дворъ обо*
дворъ и калитка на дворъ. Послѣ того,
 какъ Царь Алексѣй Михайловичъ, оставивъ
 поземельную, усшавиль подворную подашь,
 положень сборъ съ ворошъ; тогда близкіе
 дворами и душами сосѣди, бѣдные дѣлали у
 двухъ и шрежъ домовъ одни ворошы, за кои
 плашили подашь въ складчину. Въ числѣ хо-
 рошихъ свойствъ гражданина было то, что
 онъ *добрый сосѣдъ*. На свидѣтельствѣ со-
 сѣдняго окологка основывается до-нынѣ

(m) *Caso de re rustica.*

употребительный въ судебныхъ изслѣдованіяхъ *повальный обыскъ*.

Къ семействамъ, кои состоятъ изъ повелѣвающихъ и повинующихся, принадлежали слуги и рабы, какъ домочадцы, кошорыхъ значеніе и жребій въ различныя эпохи Россійскаго Государства были различны до Ташарской эпохи, по установленіи Царемъ Іоанномъ IV срока переходовъ крестьянъ, и съ царствованія Петра I. Издревле извѣстны болѣе три рода рабовъ въ Россіи: *рабы, холопы, смерды*, различавшіеся по занятіямъ и условіямъ, съ какими они подверглись рабству (п). Рабами были крепостные холопы, или дворовые или сельскіе, попомки купленныхъ людей или военнопленныхъ; а холопы, жившіе при домахъ господскихъ на гошовомъ содержаніи по *кабалѣ* и по *лътной*, или сами шли въ кабалу отъ бѣдности, или продавались, какъ свидѣтельствуютъ старобышніе законы, лѣтописи и пословицы: *Не роженъ не сынъ, не купленъ не холопъ* (не слу-

(п) О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи, соч. М. Грибовскаго. Харьков. 1816. 12

са), и *Неволя холопу, а воля господину*, кошорый, по другой пословицѣ: *въ неволь у прихотей своихъ*. Холопы, лишенные вмѣстѣ съ свободою и довѣренности, по Русской правдѣ ст. VI, не брались въ свидѣтели: „Холопу на правду не выльзати; а „послушества на холопа не вскладывай.“ По примѣру Восшочныхъ жищелей, серьги у холопа служили признакомъ рабства; о чемъ напоминаешъ пословица въ Калугѣ: *Ужь виднѣ холонѣ: сергаа въ ухѣ* (о). Съ Единодержавія въ Россіи самыя вельможи именовались изъ подобоспрасшія къ Царю его *холопами* и *рабами* до Екашерины II. Для испребленія бродягъ и шуенядцевъ запрещено было помѣщикамъ брашь себѣ въ услуженіе вольныхъ людей безъ письменнаго обязательства; въ прошивномъ случаѣ не давалось суда на шакихъ людей, хошя бы они бѣжали, обокравъ своего го-

(о) *Вѣстн. Евр.* 1828, No 4. ст. I. Коноплева о сходствѣ между Руск. и Восшоч. обыкновеніями. О прояшіи ушей шиломъ у рабовъ для ношенія ушеразей. см. *Исх.* XXI. 5. *Второз.* XIV. 16.

сподина: *не держи безъ кабалы* (р), гласили слова закона, обратившіяся въ поговорку.

Несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, говоритъ Карамзинъ (q), копорые нанимая землю въ помѣстьяхъ или ошчинахъ у дворянъ, обязывались работою; они издревле слыли *смердами*, а съ XVI вѣка *крестьянами* въ худомъ смыслѣ сего слова, какъ полагаютъ, превращеннаго Ташарами изъ Христіанъ. Слово *смердъ* Дюканжъ производитъ отъ *smert*, смерть; *homines manus mortuae*, люди мершвой руки (r); на смердовъ крѣпосные акты въ Псковѣ въ XVI вѣкѣ назывались *мертвыми грамотами*. Лишеніе свободы почишалось гражданскою смертію. Понятіе о смердахъ, по мнѣнію Г. Каченовскаго, пришло въ Россію изъ земли Вендовъ, покоренной Нѣмцами, копорые имя Славянннъ обрати-

(р) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Росс. Государствѣ народовъ. ч. 3. С. II. 1799. 4.

(q) Карамз. И. Г. Р. VII. стр. 214.

(r) *Die todte Hand*, имя вѣчныхъ владѣній и владѣтелей, въ отношеніи только къ недвижимому имѣнію.

ли по созвучію въ sklave, рабъ; опъ языка Люненбургскихъ Вендовъ сохранилось и слово smardi, крещьянство, кошорое у Германцевъ называлось smirdi, какъ бы соопвѣщенное Рускому смурые по смурому или сѣрому кафшану крещьянъ. О презрѣніи, невѣжествѣ и грубоспи смердовъ напоминающъ слѣдующія спарыя пословицы:
Гдѣ смердъ думалъ, тамъ Богъ не былъ — Смердей взеладъ пуще брани — Мъха не надуть, а смерда не научить.

Спаробышныя обычаи и законы предоспаляли господину расправу въ домѣ надъ дѣшми и рабами, а проспоша и грубоспъ нравовъ оправдывали суровоспъ мѣръ къ обузданію своеволія и безчинства. Сшаринныя хозлева радѣя о благоуспройствѣ своего дома, сами за всѣмъ глядѣли, держась пословицы, что *Слуга невѣрный супостатъ господину безмѣрный, что Чего не досмотришь, то доплатишь.* В. К. Владиміръ II о себѣ говоришъ дѣшямъ своимъ въ извѣспномъ наспавленіи: „Что надлежало сдѣлать рабу моему на войнѣ или охошѣ, шо я

„самъ дѣлалъ и весь разпорядокъ въ дому
„своемъ чинилъ.“

Изъ сѣмейныхъ праздниковъ, кромѣ
свадьбы, родинъ, крестинъ, почишаю-
ся шоржесшвенными и радосшными; имени-
ны, кои праздновались, подобно поминкамъ,
по шри дни; нѣо *добрый именинникъ*, по
пословицѣ, *до трехъ дней*. Именинный
пирогъ, съ какимъ ходилъ именинникъ къ
друзьямъ и роднымъ, и кошорый за объ-
домъ разламывали надъ его головою, во-
шелъ въ поговорку. Празднованіе именинъ
не шолько спрого сохранялось между про-
сполюдинами, но и между Царями и вель-
можами. Царь Іоаннъ Васильевичъ праздни-
валъ шоржесшвенно день своего рожденія
въ селѣ Коломенскомъ: „праздникъ швора-
„ше рожденію своему; шамо бо по вся лѣша
„празднованіе (s).“ — Въ 1667 году, Царь
Алексѣй Михайловичъ, въ день своего Анге-
ла, приходилъ съ имениннымъ пирогомъ къ
Патріарху и жаловалъ Патріаршихъ бояръ
и дѣлковъ шакими-жь пирогами (t).

(s) *Жарамзина И. Г. Р. VIII. пр. 409.*

(t) *Древняя Росс. Виздіювка. VI. стр. 313.*

Преподобный Неспоръ свидѣтельствуетъ, что у Радимичей, Вяпичей и Съвера, вмѣсто браковъ, бывали *игрища* межю селы, на коихъ юноши *умыкали* себѣ дѣвъ въ жены. Сія игрища, напоминающія намъ Римское похищеніе Сабинокъ, сходны, какъ мы видѣли выше, съ Греческими *ѵра* и весенними хороводами *на красную горку*, и горѣлками, при коихъ поюшь пѣсню, объясняющую содержаніемъ своимъ древній Сербскій обычай *отмица* (похищеніе дѣвицы) и сказаніе Неспора, именно: *Нашего поля прибыло, а вашего поля убыло*. Хотя сія повѣрья и வழычай языческіе сохраняющся донинѣ, какъ забавы; но изконное объ нихъ воспоминаніе оспалось въ упопрещительной поговоркѣ *играть свадьбу* и въ нѣкопорохъ свадебныхъ обрядахъ, кои ешоль многочисленны и по мѣспу, времени и лицамъ и ешоль разнообразны, что пребуюшь особаго описанія, а пѣсни достойны замѣчанія по содержанію и стихопворному облику своему. Сей шоржешвонный для Рускаго обрядъ соединенъ съ многими примѣсами, приговорками и пиршествами; дѣло, ула-

женное свахами или свахами, начинаешся по старой поговоркѣ, *весельемъ пиркомъ, да и за свадебку*. Пирь же сїа въ Костромской Губернїи: *пропой, гостинцы, сговоръ на канунъ брака, а въ другихъ мѣстахъ дѣвишникъ*, на коемъ невѣсша, закрывая вся фашою, причишаешъ, какъ напр. было въ Шенкурскѣ: „Родимой ты „мой батюшка! женихъ-шо мой не воевода Важскїй, не управишель Шенкурскїй, „не шорговый госпъ Верховажскїй! За ко- „го-шо меня, родимый, выдаешъ“ и пр. Но нигдѣ сполько невѣсша не поносима бываешъ, какъ въ Торопцѣ, гдѣ на дѣвишникѣ поюшъ: „Намъ чильбы Василисчишка во „шрехъ шубахъ, ажно она беременна, ты „несешъ ли люлечку, ты ведешъ ли нянеч- „ку и пр. (u). Въ Нерехинѣ, по свидѣтельству М. Я. Діева; невѣсша-сироша за день до брака съ подругами ночью ходишъ на кладбище прощашся съ родителами; шамъ помолясь и поклонясь на могилкахъ, она приговариваешъ: *Родимыя батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра,*

(u) Абезега Руск. суевѣрїй. М. 1786. з.

прошу родительскаго благословенія. Новобрачный обыкновенно называется *Княземъ*, новобрачная *Княгинею*, а споль въ первый день брака *Княжимъ*. Свадебное пированье продолжается шри дни; но иногда и болѣе; ибо *Добрая свадьба недѣлю*. Обычай разувашь женѣ мужа, какому не хотѣла послѣдовать Полоцкая Княжна Рогвольда, сущесшвовалъ въ Москвѣ при Оларіи и Гербершшейнѣ; что видно изъ путешесшвій шого и другаго: ешо было свидѣшельсшвомъ покорности жены, шакъ какъ и плешка, кою онъ ударялъ ее при разуваніи, знакомъ его владычешшванія надъ своею помощницею. Въ бѣльшей часли Косшромской Губерніи между просшлюдинами въ первый день свадьбы въ подклешѣ молодая снимаешъ съ молодаго сапоги, въ кои онъ кладешъ деньги. И донинѣ еще у новобрачной заплешаюшъ волосы въ двѣ косы, а въ Нерехшѣ подавал ей кокошникъ, приговариваюшъ: *Вотъ тебѣ кокуй, съ нимъ и ликуй!* Какъ у древнихъ Римлянъ при торжесшвенномъ бракосочешаніи (*confarreatio*) брачующіеся

вкусали хлѣбъ (panis fargetus, far), испеченный изъ муки, соли, воды и меда (v); шакъ и у Рускихъ свадебнымъ хлѣбомъ былъ *коровай*, пригошовляемый на лицахъ и маслѣ изъ пшеничной и крупичатой муки и видомъ похожій на грѣшневикъ. Иносказательно въ просторѣчїи коровай говорится, вмѣсто свадьбы и чужей жены: *На чужой коровай ротъ не разивай, а свой затывай!* Въ Вельской округѣ щещи дѣлають *сыръ съ погестъ зятю*, который приносятъ въ Пешровъ день съ поклономъ на первой и на второй годъ бракосочетанія. Зять приглашаетъ въ ещощъ праздникъ гостей сыру кушать. Нѣкошорья даже приносятъ сіе явшевіе въ церковь и послѣ молебствїа дарятъ оное. Въ Кинешемскомъ уездѣ доселѣ ведется обычай между простолюдьемъ, на второй недѣль Великаго Поста въ Субботу, зящьямъ угощать шещей киселемъ, который привозится тогда на ярмарку въ пробахъ: еща Суббота. слыветъ *обжорною*.

(v) Сокращеніе Богослуженія древнихъ Римлянъ, соч. И. Рижскаго. М. 1784. 3.

Какъ погребеніе, шакъ и поминове-
 веніе искони у Рускихъ считалось свя-
 щенною обязанностію: кромѣ церков-
 ныхъ, оно у просполоудья сопровождается
 особыми обрядами и *причитаньями*,
 въ коихъ выражающіяся достоинства по-
 койника и прискорбныя чувствія о поше-
 рѣ его. *Коли живы родители*, гласишь
 наша пословица, *то ихъ почитай*, *коли*
умрутъ, поминай. Не смотря на измѣненіе
 народныхъ обычаевъ, поминовенія роди-
 шелей доселѣ исправляющіяся и въ городахъ и въ
 селеніяхъ: послѣ погребенія зовущъ прово-
 жавшихъ покойника на шрапезу, кошорая
 начинаешя кушьею и блинами, а оканчи-
 ваешя киселемъ съ стѣшою, и послѣ сего при
 возгласеніи вѣчной памяши покойнику, пьюшь
 медъ или пиво, сыченое медомъ, кошо-
 рый у древнихъ Грековъ былъ символомъ
 смерти (w); что совершаешя въ шрешины,
 дѣвятины, полусорочины и сорочины (x),
 въ полугодовщину и годовщину. *Покой-*

(w) *Porphyrii de antro Nymphae.*

(x) *Сорокоустъ* отъ Греческаго *Σαρακοστή*, со-
 рокодневное поминовеніе. см. Ducangii Gloss. Graec.

никъ, говоряшъ, у воротъ не стойтъ, а свое возметъ. О заупокойныхъ пирахъ, какіе давались Князьями и боярами въ монашыхъ, пишешъ слѣдующее въ посланіи своемъ Мишрополитъ Іоаннъ въ XI вѣкѣ: „О горе вамъ, иже въ монашыхъ часно пиры шворяшъ, съваюшъ мужа вкупѣ и жены, и въ шѣхъ пирѣхъ другъ другу преспѣваюшъ, кшо лучше шворишъ пирь.“ — Въ Кіевскомъ Лѣтописцѣ значися, чшо „Сеншября 24 приѣхаша въ монашыръ В. К. Рюрикъ, Киръ Василей съ Княгинею и съ сыномъ Роспиславомъ и Володиміромъ и съ дщерию Предславою и съ снохою Роспиславлею, и посшави кушью у Св. Михаила... и сошвори пиръ немалъ и накорми игумены и калугеры, и возвеселись духовно о пришедшей въ дѣло шаково царской мысли его.“ (у) — Въ родишельскія Субботы, въ Семикъ и Радуницу родишельскія могилы у просполудиновъ обращающся въ любишельныя шрапезы, кои раздѣ-

(у) *Карамз.* И. Г. Р. III. 2 изд. въ прилѣж. стр. 105.

ляющъ и нищѣ. Въ *Радуницу*, или *Навей сторникъ* на Фоминой недѣлѣ почищельные пощомки ходящъ на кладбища хриспосовашься съ усопшими предками и, подобно Грекамъ и Римлянамъ, кладущъ лица на могилы (а). Объ успановленной В. К. Дмишпріемъ Субботѣ между 18 и 26 числѣ Октябрия, въ памяшь воиновъ православныхъ, положившихъ живовъ на Куликовской бишвѣ 1380 г., гласишь и просная ноговорка: *Не всегда поповымъ ребятамъ Дмишпріева Суббота* (b). По старому повѣрью, время между Казанскою осеннею и Дмишпріевымъ днемъ почишаелся несчастнымъ для свадебъ, шакъ равно въ Маѣ не жениашься и не выходящъ за мужъ, *чтобы не малтсья*. Въ весеннее и осеннее поминовенія родишелей у Рускихъ, подобно какъ у Римлянъ въ ихъ весеннія Lemuria и осеннія Parentalia (родишельскія), почишались неблагопріяшными для бракосочешанія. Последнимъ (z) *Luciani dial. mort. l. I. ὡδὺν ἐκ καθαρβίου*, очищельное лице. *Juvenal. sat. V. 84. Sed tibi dimidio constrictus sammarus ovo Ponitur, exigua feralis coena patella.*

(а) *Карам. И. Г. Р. 2 изд. V. стр. 74, прим. 83.*

Московскимъ моромъ кончился благочестивый и челоѡколюбивый обычай, издревле существовавшій въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи — погребашь въ Семикъ шѡла самоубійць, казенныхъ, ушопшихъ и замерзшихъ, кои на Убогомъ Дому во всю зиму лежали неопшѡшыя и непогребенныя. Избранный же ошъ всего города нищій, извѣстный своею честностью и набожноспію, назывался въ Коспромской Губерніи *Божедомомъ*, а въ Вологодской *Божатымъ*; онъ собиралъ по домамъ деньги для погребенія и поминовенія мершвыхъ, кои находились подъ его смопрніемъ, и жилъ одинокій при шѡлахъ: онъ чего и поговорка въ Коспромской и другихъ Губерніяхъ объ одинокомъ челоѡкѣ: *живетъ одинъ какъ божедомъ*. При Убогихъ Домахъ иногда воспитывались подкидыши, за коими имѣлъ хожденіе шопъ же божедомъ и изъ коихъ бездѣшныя супруги брали вмѣсто дѣшей и называли ихъ *богодаными*; — и первый Воспиташельный домъ основанъ былъ Петромъ I въ Москвѣ, при Андреевскомъ монастырѣ, гдѣ изшари былъ Убогій

домъ (b). На Спарообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ, находящемся близъ Покровскаго монастыря на скудельняхъ, и доселѣ принимаюніся и воспишывающія подкидыши. И такъ, въ Россіи Воспишашельные дома произошли отъ Скудельницъ, гдѣ несчастное рожденіе и несчастная смерть покрывались Хрістіанекимъ милосердіемъ; *живой* оспаваля *не безъ мѣста, а мертвый не безъ могилы.*

У Грековъ соль была священнымъ залогомъ госпепрїисива (g), такъ какъ хлѣбъ соль у Славяно-Руссовъ и шеперь

(b) Въ Галичѣ Кн. Георгій Дмитріевичъ устроилъ кладбище для погребенія сиранныхъ. Кладбища въ Исковѣ въ XVI в. назывались *Бумми*, гдѣ въ 1552 г. во время мора погребено 25 тыс., не считая при церквахъ и другихъ мѣстахъ. См. Труды Общ. Исш. и Др. Росс. ч. 3, сп. XIX

(c) Древніе почитали соль за вѣщо священное и Гомеръ посежу называетъ ее *θεῖον ἄλα* (божественною солью), а другіе Греч. писатели *θερούς ἄλας*, священными солями. Соль упошребляли они какъ очистительное средство и прежде всѣхъ кушаньевъ носпавляли оную предъ госпемъ и сираникомъ. У Римлянъ она была въ такомъ же уваженіи и вмѣстѣ съ хлѣбомъ, какъ выше замѣтили, соспавляла главное кушанье.

у Словаковъ (šľeb že soľu), изкони славившихся сею паптріархальною добродѣшью, о коей напоминаешь и самое имя *Радгоста*, *Радгаста*, божества Обопршовъ, Моравцевъ и другихъ Славянскихъ племень; ему нѣкогда принесена была въ жертву голова Епископа Мекленбургскаго Іоанна, покушавшагося обратишь Славянъ язычниковъ въ Хрістіанство (d). У Воспочныхъ жимелей соль (завѣшь соли вѣчныя) была знаменіемъ ненарушимой вѣрности и швердосши союза (e) не только между господиномъ и слугами, но и между хозяиномъ и гостями или спранниками, кошорые раздѣляли съ нимъ шрапезу въ силу священнаго ушвава гостепрїимства. Такъ правили обласшей Заевфрашскихъ писали къ Аршаксерксу: „Мы помнимъ соль, кошорую вкушали

(d) Радгосту, истребленному въ Моравіи Кврїломъ и Меводіемъ, поклонялись на горѣ Госшвиѣ. *Mythologie der alt. Teutch. u. Slaven*, von H. Tfanu. Znaim. 1827. 2. T. *Chronica Slavorum Helmoldi Buzov*, Francof. MDLXXXI. f.

(e) *Dissertations sur les antiquités de Russie*, par M. Guthrie. à S. P. 1795. — Кн. Числѣ, XVIII 19.

„въ чершогохъ швоихъ (f).“ Арабскіе разбойники въ знакъ присяги ѣли хлѣбъ съ солью. Гелмольдъ описываетъ гостепріимство Обошришскихъ Славянъ словами Епископа Геролда, кошорый увѣряетъ, „что онъ и „опышомъ извѣдалъ справедливостъ слуха, „что нѣпъ народа гостепріимнѣе, какъ „Славяне, кошорые къ приняшію спранныхъ споль гоповы всѣ единодушно, что „не надобно и просишь у нихъ приема; „ибо что они ни добываютъ земледѣіемъ, „рыболовствомъ и звѣроловствомъ, все расшочають на угощеніе спранныхъ. Такаая щедростъ доводишь ихъ до крайности воровашъ и разбойничашъ. По ихъ закону: *что ночью добудешь, то на утро раздѣлишь странникамъ.*“ Сіе подтверждается и Маврикіемъ. Гванини свидѣтельствуетъ, что Псковичи при всшупленіи Москвичей въ Псковъ, каждый предъ своимъ домомъ спшавили на сплахъ хлѣбъ-соль; ибо въ Москвѣ хлѣбомъ означалась ласка, а солью милосшь.“ Они шѣмъ умилосшвили грознаго Іоанна, кошорый уничтожилъ

(f) Т. Еадг. IV. 14.

Псковскую Спарину. Кнапскій (Ad. 60) говоритъ, что „хлѣбъ у Рускихъ служишь сумво-
 „ломъ дружбы: прошу хлѣба (соли) ку-
 „шашъ; я у него хлѣбъ ѣлъ: слова сїи
 „у разбойниковъ въ Россіи свяшо храняшя;
 „ибо они пѣхъ оспавляющъ невредимыми, у
 „кого хлѣбъ соль ѣли (g).“ Хлѣбосольство
 у Рускихъ связывало и поддерживало меж-
 ду соопечесшвенниками, сосѣдами и родными
 совѣшъ и любовь: *хлѣбъ соль*, говаривая
 они, *взаимное, оплатное дѣло—Хлѣбъ-
 соль не бранитъ — Кинь калачъ (хлѣбъ-
 соль) на льсъ, пойдешъ, найдешъ.* Осно-
 вывалось же хлѣбосольство не на похлѣбствѣ
 и присшрасшіи, а на общеніи душевномъ
 и прямодушїи, шакъ что *Хлѣбъ-соль ку-
 шай, а добрыхъ людей слушай, или
 Хлѣбъ - соль живъ, а правду какъ
 рязь.* Такъ какъ признашельность пред-
 полагаешъ въ челоуѣкѣ чувствивнелность,
 праводушіе и чесшность: несему она и
 носшавлялась выше благошворенія: *Спа-
 сибо тому, кто поитъ да кормитъ,*

(g) Słownik Języka Polskiego p. S. D. Linde. t. 1.
 Warsz. 1804. 4.

а вдвое тому, кто хлѣбъ - соль помнитъ. Хлѣбосолюшествомъ славилась и даже донынѣ славятся не только частные дома, но и многія св. обители; въ однихъ охотно принимались и угощались приѣзжие, а въ другихъ давалась пища и приспанище опранныхъ, особливо въ праздники. Въ Стоглавѣ, гл. 52, о Троицкой Лаврѣ сказано, что въ ней „госпи „безпрестанный день и ночь.“ Огнь сего по челоуѣколюбиваго и благочестиваго обычая произошла доселѣ сбыточная только въ нашемъ опечесствѣ поговорка: *На Руси еще отъ голода никто не умиралъ* — въ томъ смыслѣ, что и бѣднѣйшій всегда получалъ посильную помощь огнь бѣднаго и богатаго, разделяя скудную пищу перваго и питаясь огнь избытковъ послѣдняго. Доброхотство соопчицей совокупными силами помогало убогому, такъ что *съ мѣру по ниткѣ елому рубаха*. И теперь еще поселене, живущіе вдалѣ огнь спешницъ, за грѣхъ себя считающіе брать деньги съ прохожихъ в проезжихъ за хлѣбъ, соль и не-

стой, вмѣняя себѣ въ священную обязанность угостишь спранника *члмъ Богъ послалъ*, или *члмъ богати, тлмъ и ради*; ибо, по ихъ мнѣнію, кто за хлѣбъ-соль и ночлегъ беретъ съ спраннаго, у шого *спорыны въ домъ не будетъ*. Владиміръ Мономахъ учишь дѣшей своихъ: „И болѣ „же чшише госшь, ошкуду же къ вамъ „придешъ, или просшь, или добръ, иль соль „(посоль), аще не можеше даромъ, — браш „номъ и пишьемъ; ши бо мимоходячи просла „вяшь человекъ по всѣмъ землямъ любо „добрымъ, любо злымъ.“ Самымъ же обиднымъ упрекомъ въ неблагодарности было слово: *Ты забылъ мою хлѣбъ - соль*; въ такомъ же смыслѣ у древнихъ Грековъ говорилось: *ἀλα καὶ τράπεζαν παραβαίνειν*, ш. е. нарушишь право соли и прапезы.

Первымъ образцемъ госпепрїимсшва и хлѣбосольсшва были самые Государи для народа; они въ праздники и при шорже-сшвенныхъ случаяхъ *поднимали*, какъ говорштся, *пиръ на весь міръ, пиръ горою*. Преподобный Несшоръ свидѣтельсшвуешъ, что В. К. Владиміръ: „Творяше людемъ

„своимъ по вся недѣли: оуспави на дворѣ
 „грядъницы пиръ швориши.“ О пирахъ се-
 го *внука стареа Игора* сказано въ Ма-
 кар. Минеи рукоп., чшо „памяши Свяшыхъ
 „въ церквахъ шворяще пѣніемъ и молишва-
 „ми, и праздноваше свѣшло праздники Го-
 „сподскіе, и при прапезы пошавляше: пер-
 „вую для Мишрополіша съ Епископы, съ чер-
 „норизци и с пошы, вшорую нищимъ и убо-
 „гимъ, шрешью себѣ и бояромъ своимъ.“ Сша-
 ринная народная пѣсня, помѣщенная при
 Игоревоу п. М. 1800, пакъ описываешъ
 намъ пиршешва Владиміровы:

Во славноу городѣ Кіевѣ,
 У Князя у Владиміра,
 У Солнышка Свяшославича,
 Было пированіе почешное,
 Почешное и похвальное
 Про Князей и про бояръ,
 Про сильныхъ могучихъ богатырей,
 Про всю поляницу удалую и пр.

О гостепрімшвѣ Ярославова двора упомина-
 юшъ многіе иноспранные испорики (h). Внукъ

(h) Между прочимъ *Bilmark Histor. reg. Holmgard.*
 Абоас. 1766, слѣдующее: *Iaroslavus aulam suam*

Мономаховъ Изяславъ въ 1148 г. далъ Новгородцамъ на городищѣ пиршество, которое раздѣлялъ и самъ съ народомъ. О другомъ обѣдѣ народномъ въ Кіевѣ 1195 г. читаемъ у лѣтописцевъ нашихъ. Церковные и народные праздники во многихъ мѣстахъ Россіи сопровождающа пиршествами и ярмарками или сборами, каковы напр: въ Переславлѣ *Купальница*, въ Саранскомъ *Лада*, въ Звенигородскомъ уѣздахъ *Пятница Берендѣва*, и пр. (i). На сіи пиршества, по большей части прехдвенныя, собираются родные, знакомые и споревніе, особливо въ селеніяхъ, гдѣ религія и торговля, родство и госшепріимство оправдываютъ исполнѣ старинную поговорку: *На нашей улицѣ праздникъ!* У языческихъ Славянъ, по

ita construxit, ut regias eidem magnificentia pares per septentrionem hoc aevo inveniamus omnino paucas. Ad illam proinde principes quilibet adverte fortuna pressi, conflaverunt.

- (i) Въ Академ. извѣстіяхъ на 1781 г. стр. о *ярмаркахъ*.—Истор. Геогр. Топогр. и Полит. описаніе Переславля Задѣскаго, соч. И. Дашкина. М. 1802. 2.

„свидѣшельсху Гельмолда, по совершении
 „жертвоприношеній, народъ предавался пир-
 „шесшвамъ и веселью, при коихъ обносятъ
 „круговую чашу съ заклинаніями именемъ бо-
 „говъ (k).“ Въ праздники прекращающся всѣ
 пруды: *День святъ и дѣла спятъ, а для
 чашниковъ и бражниковъ живетъ много
 праздниковъ.* Въ Шенкурскомъ и Вель-
 скомъ округахъ, къ приходскимъ праздни-
 камъ, подобно другимъ мѣсшамъ, варятъ пи-
 во, называемое *кануномъ*, и гошуютъ много
 разнаго кушанья; за споломъ, къ коему при-
 глашаются и знакомые и незнакомые, тогда
 пьютъ круговую брашину пива съ приго-
 воромъ: *Празднику гостному златъ
 вѣнецъ, а хозину доброе здорovie!*
 Также въ Бѣлоруссіи и Лившѣ еже-
 годно отправляются праздники въ память
 построения церкви приходскихъ, кои
 имѣя свои пасѣки (пчельники), варятъ съ
 хмѣлемъ и разными кореньями медъ, кошо-
 рый и продается въ день праздника посе-

(h) Chronica Slavorum, s. Annales *Helmoldi Presby-
 teri Buzoviensis*. Francof. MDLXXXI.

лянамъ , а вырученныя деньги идуть въ церковь. Мѣсто, гдѣ продается ешошь напшонокъ, называется *кануномъ*. Сія праздники, подобно другимъ сельскимъ: *дожинкамъ*, *оборкамъ*, *дѣсьвкамъ*, *толокамъ*, сопровождающаюся весельями (1). Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ дозволено было свободно народу пировать въ кабакахъ на Свяшой недѣлѣ и въ Рождество Христово, а въ Пермской Усшавной грамотѣ 1555 г. „въ году шри недѣли пишья вариши и пиши: недѣля Великоденная, другая въ осень „Дмишрiевская; шрешья въ зимѣ Роже-„сшвенская (ш).“

Хошя Руская пословица и говоришь, что *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ*, но другая свидѣшельсшвуешъ, что *То не спасенье, кто пьянъ съ Воскресенье*. Первая пословица опшчасши согласна съ мнѣнiемъ Коллинса, что „пьян-„сшво у Рускихъ считаешся за сильнѣй-

(1) О народныхъ Рускихъ праздникахъ будешъ предложено мною въ особой книгѣ.

(ш) *Карамз. И. Г. Р. IX. кр. 161.*

„шее выраженіе радости.“ Герберштейнъ, Олеарій, Принцъ Буххавскій, Флешчеръ и другіе путешественники въ Россіи, говоря объ извѣстномъ обычаѣ нашихъ предковъ подчивашъ и даже неволишъ своихъ гостей до упоенія, которое считалось прямымъ угощеніемъ. У правника два невольника — гласишъ старинная пословица — *одному хочется пить, да не на что купить, а другаго подчиваютъ, да не хочется пить.*

Употребленіе горячихъ напитковъ сколько заиралось въ молодыхъ людяхъ, сколько терпѣлось обычаемъ въ возмужалыхъ и шарикахъ, между копорыми не почиалось за порокъ подгуляшъ временемъ, особливо въ приятельской бѣсѣдѣ, на пирѣ, въ праздничный день. *Пей за столомъ*, гласишъ пословица, ш. е. при добрыхъ людяхъ, *а не пей за столбомъ*, ш. е. шайкомъ. Лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что и самые Великіе Князья на създахъ и шоржесшвенныхъ вирахъ имѣли попойки; на одной изъ нихъ въ Исадахъ (и садахъ?)

убишы были Князя Рязанскіе. В. К. Василій Ш, по старой поговоркѣ, *Потерялъ гестъ хмѣлемъ*, проигравъ битву при Суздаль; а другая поговорка: *За Пьяною пльни*, напоминаешъ о пораженіи Ташарами и Мордвою Князей Нижегородскихъ, которые исплошились, пьяные съ дружиною своею предавшись веселью на рѣкѣ Пльни. Лѣтописи наши говорятъ о шаковыхъ же пиршесѣвахъ Іоанновъ Ш и ІV; а Пешрей Шведъ (п) увѣряешъ, будто отправленный къ Карлу ІХ Московскій посоль въ 1608 г. опился въ Шпогкольмѣ. Кому не извѣстно наказаніе у Петра І *орломъ* (большимъ кубкомъ), который должно было выпить виноватому). Преданія и поговорки сохранили воспоминаніе о монгольскихъ *красовулахъ* (о), какія вкуша-

(п) Historien u. Bericht von dem Großfürstenthumb Muschow durch Petrum Petrejum de Erlesunda. Lipsiae. an. MDCXX. 4.

(о) *Красовула* происходитъ отъ Греч. *κραβώλιον* (*крабѣ* вино, смѣшенное съ водою) сосудъ съ виномъ. *Ducangii Gloss. med. et inf. Graecitatis.*

лись во дни разрѣшенія вина и елѣя, ради братскаго утѣшенія, какъ сказано въ Уставѣ, и ради стомаха и частыхъ его недуговъ. Въ другихъ же обихеяхъ запрещалось держашь вино, кромѣ Фряжскаго, и крѣпкіе меды, а въ Соловецкомъ монастырѣ пили на прагезѣ и заздравную чашу медвеннаго квасу (р). Царь Іоаннъ Васильевичъ пишетъ, что „по всѣмъ монашескимъ (Рускимъ) сперва Начальники уславили крѣпкое житіе; — да болре свои любоспраспные уставы ввели; — у Троицы подчивающъ множество, а сами чувственны (воздержны) пребываютъ“ (q).

На одной серебряной чарѣ, хранящейся въ Моск. Обществѣ Исп. и Древн. Росс., изображена слѣдующая надпись, какія встрѣчаются и на снгаринныхъ

(р) Рукоп. бумажная Типикъ обихедн Вседержителемъ, сущей Понша Оксана Соловецкаго Ошока Лауры Преп. и Богоп. ошецъ нашихъ Зосимы и Саввастіа, вложенный въ оную 1658 г. Никономъ Патріархомъ, въ 4.

(q) Его посланіе въ Куріал. мон. въ IV ч. Исторіи Росс. Іерархіи.

брашинахъ, кубкахъ, спонахъ: „Чару
 „пишь здраву бышь; повшоришь, умъ воз-
 „веселишь; ушроешь, умъ ушроешь; много
 „пишь, неспройну бышь.“ Прежде нежели
 Рускіе въ XV в. познакомились съ хлѣбнымъ
 виномъ, кошорое, по словамъ одного ино-
 сшраннаго истшорика, „сдѣлано изъ сердець
 „и языковъ“ (г), они пили крѣпкіе меды
 спавленные, воронокъ, пиво бархашное, сы-
 ченое и брагу; пьянство вообще называли
хмьлемъ, на кошорой довольно ешь посло-
 виць, охуждающихъ и оправдывающихъ оныи,
 какъ видѣли выше. Со времянь Царя Іоанна
 Васильевича сдѣлались извѣсшными кабаки
 и кружалы для продажи хлѣбнаго вина,
 кои по урочищамъ и по лицамъ болѣе
 женскаго пола, получали разныя названія;
Большой Царевъ кабакъ, оглашаемый въ
 пѣсняхъ и припоминаемый въ поговоркахъ
 просшонародныхъ, былъ въ Москвѣ на
 Балчугѣ, у Каменнаго Мосша, гдѣ нынѣ ка-
 зенный винный дворъ; Пешровское кружало,

(г) Період. сочиненіе о успѣхахъ народ. просвѣ-
 щенія, No XXXVI. С. II. стр. 19.

любимое приспанище разбойницы Таньки Роспокинской, и донинѣ слыветъ въ Москвѣ Ташьянкою; при выѣздахъ изъ города и у заспавъ нѣкоторые называющаея пишейные, или кружечные дома *растанями*, ошъ прощанія и разспаванія, при коихъ разешающіеся пьютъ на проводахъ. Извѣстно присловье *Адмиральскій часъ*, напоминающее обычай Основашеля Россійскаго флота: въ одинадцать часовъ ушра послѣ шрудовъ пишь водку съ сошрудниками своими не рѣдко въ *Аустеріи* (авсперіи и исшеріи), какія при немъ основаны въ Москвѣ и С. Пешербургѣ (s). Когда въ корчмахъ игрывали въ зернь: шогда говаривали: *Зернь любитъ хмль*,

s) Названіе сіе пишейныхъ домовъ производятъ ошъ Нѣм. *Gasterey*; но можно шакже объяснить и Греч. словомъ *ἰστῆριον*, вмѣсто *ἑστιατήριον*, *triclinium*, *locus epulationis*. По любимому Рускими сближенію и, шакъ сказашъ, подыгрыванію подѣ чуждыя слова, производяшъ *Истерію* ошъ *истерлія*, шрашы. Въ Москвѣ одна была до 1754 года *Аустерія* у Куряшныхъ ворошъ въ шомъ домѣ, гдѣ ошсрышъ Москов. Университешъ, а другая на

а когда вошли карны въ Россію: тогда произошла и пословица: *Карны хмель любятъ*. Любя болѣе веселья въ семейномъ кругѣ, предки наши гнушались кружалъ, въ кои воспрещалось ходишь болѣе сныдомъ, чѣмъ закономъ.

Фиглярство, фокусы и забавы въ Россіи были извѣстны болѣе подъ названіемъ *скоморошества*, которое вроятно перешло изъ Греціи, какъ показывается самое слово *бѣбма* шушка, забава. — Гванини свидѣтельствуютъ, что *скоморохами* въ Москвѣ именовали вожацкихъ медвѣдей (t). Изъ по-

Никольской улицѣ, гдѣ по преданію содержалъ одну Грекъ Цареградскій. *Истерією* (или *Аусперією*) слывешъ до нынѣ крайній проходъ по Скорняшному ряду отъ Ильинки на Никольскую, гдѣ цѣпечъ харчевни и лавки. Въ С.-Петербургѣ, по свидѣш. Голікова (Д. П. I; II ч.), были учреждены Петромъ I два знашныя пншейные-домы, *Лясшерин*, гдѣ содержались разныхъ соршонъ и вкусовъ водки, порученныя въ сморѣніе лучшимъ изъ купечества. (p) Сшоглавъ, г. 41.

(t) *Niedźwiedników w Moskwie skomorochami zowią.*
Guagn. 537. „1571 г. поѣхалъ изъ Новогорода

словиць видно, что скоморохи были плясуны и гудочники, какъ то: *Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, или Скоморохъ голоеъ на гудкъ настроить умлетъ, а житья своего не установитъ.*

По древнему обычаю языческому (Еллинскому), на могилахъ при поминкахъ плачь смѣнялся плясками и рукоплесканіями, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Сшоглава, гл. 41—44: „Въ Троицкую субботу' сходяшися „мужи и жены на жальникахъ (мѣспахъ по „гребеніа) и плачушея по гробомъ съ вели „кимъ кританіемъ, и егда начнушь играшь „скоморохи, гудцы и прегудницы, они же „ощъ плача преславше, начнушь скакаши и „плясаши и въ долони биши на шѣхъ жаль „никахъ.“ Изъ сего заключить можно, что скоморохи шакою же должностъ и въ XVI вѣкѣ исправляли у Рускихъ, какую у Римлянъ при похоронахъ *tibicines et fidicines*. Не было ли шо оспашками древней прирзны?

„къ Москвѣ Субоша и съ скоморохами и мед „вѣдами.“ Арх. Новг. Л. *Карамз.* И. Г. Р. IX. пр. 322.

Вашаги скомороховъ скишались въ Россіи по деревнямъ, опивая и объѣдая просподушныхъ земледѣльцевъ, и даже грабя по дорогамъ (11). Кому не извѣстно, что при Дворѣ Россійскомъ долго находились, по примѣру Европейскихъ дворовъ, шушны и даже изъ значительныхъ особъ; на нихъ еспь довольно поговорокъ и пословиць, на пр: *Шути, да оглядывайся — Шутка не погудка — Шутку шути, а людьми не мути — Шутя, люди медъ пьютъ.*

Время смѣняющее одни обычаи другими, опличало оными разныя эпохи бышія Рускаго народа; воспоминаніе о минувшихъ обычаяхъ соединилось съ историческими воспоминаніями, съ нравственностію и просвѣщеніемъ онаго, часто выражаясь въ пословицахъ — своихъ предшавишеляхъ.

11) *Карамз. И. Г. Р. IX. стр. 462. Пролокъ, Мая 16, иткіи скомрахъ бѣ.*

Характеръ народа, состоящій въ наклонностяхъ и навыкахъ, не что иное есть, какъ особливые признаки, чрезъ кои одинъ народъ отличаетъ отъ другаго; сии признаки, не только видны въ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ, но и во всей его внѣшности (v). Привычныя дѣйствія суть наружныя черты сей нравственной физиогноміи чловѣка и народа. Хотя въ одномъ племени встрѣчаемъ различныя нравы чистыхъ людей и противорѣчущія одно другому свойства; однако нельзя изъ ешаго заключить, чтобы цѣлый народъ не имѣлъ никакого характера и своихъ нравовъ; пошому что они въ совокупности составляютъ особенныя и отличительныя свойства, какими разнятся Рускіе древніе и новые отъ другихъ народовъ, такъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, они не похожи на другія Европейскія націи. Сколько

(v) Въ Пропов. Дамаскина съ 1775—1782. М. 1783. пропов. V. о поправленіи народнаго характера.

время, мѣсто и подражаніе ни измѣняли самобытность Рускихъ нравовъ ; но черты споль сильно въ нихъ проведены природою, что всегда оспающа замѣтные слѣды и въ языкѣ и въ поступкахъ, часно выражаясь при разныхъ общошельствахъ, коими онѣ вызывающа.

Выше сказали мы, что нигдѣ споль ясшвенно не проявляеша духъ и характеръ народа ; какъ въ его пословицахъ и поговоркахъ : шо и здѣсь постараемся вывести хошя нѣкошорыя очерки Рускихъ нравовъ изъ сего живаго источника.

Гдѣ добры съ народъ нравы , тамъ хранятса и уставы — гласитъ пословица Руская , полагающа швердою основой законамъ нравы ; доброша и чисноша оныхъ вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ вѣрѣ пишашушъ шопъ духъ порядка и подчиненности , кошорый упрочиваетъ общешвенное и сѣмейшвенное благоденшвіе шѣснѣйшимъ соединеніемъ одного съ другимъ. У древнихъ Римлянъ добрыя нравы и уставы предковъ служили источникомъ законовъ ; между прочими добродѣтелями

обожая честь, они почитали ее знаменіемъ нравственнаго бытія народа и союзницею добродѣтели (w).

Источникомъ честности въ словахъ и дѣлахъ — честь, какъ сродное человѣку стремленіе удерживать за собою нравственное свое достоинство: она можетъ быть внѣшнею и внутреннею, частною и общею. По различнымъ отношеніямъ человека, съ нею соединяюща различныя понятія: честь у воинственнаго народа заключается въ славу, а у торговаго въ довѣренности; честь мужчины въ мужество; а у женщины въ цѣломудріе. Какія по времени, мѣсту и лицамъ значенія соединяли Рускіе съ ешимъ словомъ, споль могущественнымъ — они скажутъ намъ своими словами.

Почитая доброе имя главнымъ оплотеніемъ жизни человѣческой, предки наши

(w) Такой союзъ представляеть намъ храмъ Honoris et Virtutis, сооруженный Марцелломъ по завоеваніи Сиракузъ. *Cic. in Verr. IV. 54.*

говаривали: *Береги честь съ молода, а здорье подъ старость. Новгородская честь и Новгородская душа*, шакъ равно *Исковское крпкое слово* замѣняли кляшву и обратились въ поговорку. Сколько у предковъ нашихъ уважалось *честное слово*, какъ залогъ *доброй совѣсти*, по извѣстно изъ преданій, грамошь, лѣшописей, законовъ и слѣдующихъ пословиць: *Слово законъ—До слова крппись, а давши слово, держись. Упошребительное, вмѣсто увѣренія и божбы, рѣченіе Право велико слово*, было древнею формулою при рѣшеніи шяжбъ и споровъ. Еще при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ писалось въ записяхъ или заключаемыхъ договорахъ: *А кто не устоитъ, тому да будетъ стыдно, или А кто попятится, А буде я не едержу своего слова, да будетъ мнѣ стыдно. У Германцевъ, какъ видно изъ Швабскаго и Саксонскаго уложеній, шощъ признаваемъ былъ безъ чести, кшо не носилъ оружія и не ходилъ на войну. Также у древнихъ Рускихъ чешшь принималась въ смыслѣ военной славы, заслуги и*

благородства. Въ Псковѣ на мечѣ, лежащемъ при гробницѣ Гавріила, начертано: *Нопогет теиш немини даво, ш. е. чести своей никому не опдамъ (х)*. Издревле Рускіе добывая славу оружіемъ, утверждали, что *За честь голова гинетъ и Честь и слава законно воюющимъ*. Буйшуръ Всеволодъ въ Игор. пѣсни говоритъ о Курчанахъ, что они „ищущъ себѣ чти, „а Князю слава“ (у). Такъ какъ честь для нихъ была выше всего: ш^о онѣ предпочитали смерть безчестию. „Не посра- „нимъ земль Рускіѣ, зываешъ Свяпославъ „къ дружинѣ своей, но ляжемъ косьми: „мершвыи бо срама не имамъ.“ Подобно ему и Псковичи говорили въ опчаянной битвѣ съ Нѣмцами: „Не посрадимъ опецъ „своихъ и дѣдовъ! пошатнемъ“ и пр. Опе- ческое правленіе Государей нашихъ опира-

(х) *Карамз.* И. Г. Р. II. пр. 266. Долуга Хо- даковскій присвоиваешъ сей мечъ Довмоншу, а на Гаврииловомъ иѣшъ надписи. — VIII. стр. прил. 145.

(у) И се наша честь и слава. „*Никон.* Л. III. 52. — „Въ смилосердѣи и во чти.“ *Дресн.* *Висліос.* I. 181.

дсь на праошеческихъ правилахъ , держало Государство *грозно, чисто и честно*, ш. е. крѣпко, ненарушимо, уважительно; ибо они думали, подобно стариннымъ Нѣмецкимъ законодащелямъ: *Что грозно, то и честно*, (*fest und edel*, крѣпко и честно). Въ договорахъ и присягахъ опщины Великаго Князя Московскаго Новгородъ и Псковъ обѣщались *держати* его имя по старинь *грозно и честно*, онъ *держати* ихъ *во чти*, а не *въ соромъ*. Съ Единодержавіа въ Россіи честь подданныхъ заключалась въ Царѣ какъ блюстителъ оной (z). Когда Турки шребовали у Пешра I выдачи Князя Д. Каншемира; Царь опшщивоваль: „Пошерянное оружіемъ оружіемъ и возвращаешся, но нарушеніе даннаго слова невозвратимо. Опшщупишь опшщ, чешти шо же, чшо не бышь Государемъ.“ (a) Съ уничтоженіемъ судебныхъ поединковъ, *безчестія*, присужаемаго закономъ, и вмѣ-

(z) Ешо выражало у Аглич: *loyalty*.

(a) Дѣвія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ Пешра Великаго. соч. Д. Баншишъ-Каменскаго. 2 ч. М. 1821. 8.

спѣ съ замѣненіемъ названія *раба вѣрна-подданнымъ*, родились въ Россіи поединки своеуправные въ защиту чести, конхъ вредное и законопротивное понятіе перешло изъ Франціи въ XVIII в. Хотя *честь умъ раждаетъ*; но почести недоспашотны безъ приличнаго содержанія: *Что наша и честь, коли нечего псть?* Впрочемъ сія пословица, какъ исключеніе, не опровергаетъ общаго мнѣнія народа о чести въ смыслѣ добросовѣстности, добраго имени, славы и заслуги; ибо *Честь*, по другой пословицѣ, *лучше богатства*, а *чести утрата большая бѣда и честное убожество легче стыда*. Все достойное уваженія и драгоценное называлось *честнымъ*, на пр: *честные родители, честный человекъ, честная дѣвица*; отсюда и *честность* принимается за нравственное оплчїе жизни сѣмейной и гражданской. Такова *шарияная* *честь* личная и общеспвенная! Сіе слово, происходящее отъ глаголовъ *чтитъ* и *честитъ*, означаетъ также и угощеніе, какъ почестъ; что видно изъ слѣдующихъ народныхъ мнѣній:

Честъ приложена (госпю), а отъ убытку Боеъ избавилъ, или Честъ честю, а дѣло дѣломъ. Лѣтописецъ нашъ изображал угощеніе, сдѣланное Башыемъ Князю Галицкому Даніилу, говоришь пословицей: „*О злѣ зла честъ Татарская!*“ (b).

Если честъ влечешъ насъ въ величію, благородству, самоуваженію и добросовѣстности: шо она должна бышь неразлучна *отъ погтенія* къ свѣдѣнію, родству, старшинству и начальству; шакое почтеніе основывалось на древнемъ обычаѣ прошеческомъ и вмѣстѣ на ученіи св. вѣры, какъ выше мы замѣтили; и что успроилось внушеніемъ природы, шо введено въ обычай употребленіемъ, укрѣплено закономъ и освящено давностию. Начашое правленіемъ довершаешся вѣрою и просвѣщеніемъ, кои одні могутъ водворишь взаимную довѣренность между согражданами — утвердишь добросовѣстность и весши къ излучному соединенію истины съ благомъ въ жизни гражданской и сѣмейной.

(b) *Карамз. И. Г. Р. IV. др. 45.*

Угрозою совѣспи и общаго мнѣнія у Рускихъ бывалъ сшудъ, копорый спавился выше казни и принимаемъ былъ не шолько въ смыслъ срама и безчеспія, но и добро-совѣспности и цѣломудрія. Въ послѣднемъ случаѣ спудъ не раздѣленъ опъ благоче-спія; ибо *въ комъ есть стыдъ, въ томъ и совѣсть* — *Въ томъ и Боеъ, въ комъ есть стыдъ; но въ комъ ни стыда, ни совѣсти, или Кто ни Бога не боится, ни людей не стыдится*, шопъ счишался пропацимъ челоувкомъ. Безспудсшво, какъ презрительное безчеспіе, изображаешя шакже въ слѣдующихъ пословицахъ: *Стыдъ не дымъ, глазъ не выстъ — Убей (Ошнми) Боеъ стыдъ, все пойдетъ хорошо — Стыдъ подъ каблукъ, а совѣсть подъ подошву*, и ш. д. Какъ нѣкогда у древнихъ Римлянъ спудъ (pudor) упошреблялся въ значеніи наказанія (poena) и признанія въ винѣ (с), шакъ у Рускихъ спрахъ спмда дѣйспвовалъ надъ просшыми и добрыми сердцами сильнѣе, чѣмъ спрахъ наказанія; почему и называютъ они *стыдъ смертію*;

(с) На пр: у *Пласта*, Mostel. 3. 4.

ибо оспыдишь или осрамишь человека въ дурномъ дѣлѣ предъ добрыми людьми по же, по мнѣнію Рускаго народа, что *головеу снятъ*. Въ Волынской Лѣтописи говорится, что „Кондрашь въземъ срамъ великъ, лѣпше бы „не живѣ былъ“ (d). Подобно Рускимъ, у Нѣмцевъ издревле вкоренилось понятіе о чести и безчестіи, и шощъ почишался несчастнымъ, кшо наказанъ былъ лишеніемъ чести, такъ что древнія законоположенія различныхъ Германскихъ народовъ и права обычаевъ въ среднія времена доказываютъ справедливость старой Нѣмецкой пословицы: *Es ist besser zehen bey Ehren erhalten, als einen einzigen zum Schelten schen*, т. е. „лучше десяти-рымъ оставишь честь, нежели одного обезчестишь, ошельмовашъ“ (e). Петръ I поспановилъ закономъ шельмованъ. Съ его времени Нѣмецкое слово шельма, обратившееся въ брань, получило право гражданства въ Рускомъ словѣ (f).

(d) *Карамз. И. Г. Р. IV.*

(e) *Pistorii thesaur. paræm. p. 332.*

(f) Гекералъ. Регламентъ 53 гл. Наказъ Екашерныи II.

Спыдъ и спыдливосишь вмѣстѣ съ смиреніемъ почишались драгоцѣннымъ украшеніемъ юношества обоюга пола и душою супружеской жизни. *Смиренье*, по пословицѣ, *дѣвигье ожерелье* и *Смиренье молодцу ожерелье*. Выше мы замѣтили, что ушавы предковъ и зашворы шеремовъ охраняли *стыдъ дѣвигий*, копорый, по шаринному предубѣжденію, былъ *до порога*. Гербершшейнъ, въ XVI вѣкѣ, увѣряешъ, будшо у предковъ нашихъ „вся чешъ женщины, особливо дѣвицы, посшавлялась въ „шомъ, чтообы имъ не бышь видимыми оптъ „посшоронныхъ людеи и что женщина или „дѣвица невозвращно шеряда доброе имя, „если ее видѣлъ какой нибудь посшоронній мущина, кромѣ ошца и машери, да „близкихъ родныхъ.“ Обычай, и суетвѣрное мнѣніе, что лихой, нечиспой глазь можешъ изурочишь, сглазишь красныхъ дѣвиць, держало ихъ, подобно сокровищамъ, въ шаинспвенномъ уединеніи и произвело пословицу: *Видѣна дѣвка мѣдна, а невидѣна золотал.*

За *тремя*, какъ говорихся, порогами живши дѣвицы, изъ шерема своего черезъ церковь переходили въ домъ мужа, избраннаго волю Божью и родителъскою на *всю его волю*. Таковы были нравы до XVII вѣка, когда власпъ мужа надъ женою опчасни соопвѣшествовала власпи Царя надъ подданными; и ушверждалась уставами Церкви, именно Пошребникомъ: „Жену свою люби, „и наказывай почаспу; аще ли не слушаши „начнешь, и пы жезломъ наказывай полег- „ку“ (g). Какъ Ташарское владычешво, о коемъ напоминающъ намъ и мѣспѣ: *двиги поля и бабы городки*, вмѣспѣ съ пословицами и преданіями, шакъ равно и сближеніе съ Нѣмецкими нравами могло измѣнить судьбу женскаго пола, измѣняя древніе обычай и нравы, а вмѣспѣ съ ними и нравспвенность народную. Но съ XVII вѣка, когда спали вводихся Рускими Государями Нѣмецкіе обычай: тогда для одного священ-

(g) Пошребникъ, 1632. М. лншъ 177. По чиноположенію жениху давался *золотой*, а невѣстѣ *жельзмой першень*; вѣрошно, одинъ означалъ солнце, а другой омолодошвореную имъ землю.

наго гощепрїимства нарушался сей обычай Воспока и тогда, по сказанію Петрея (h), иногда жена съ дочерьми подносила гощамъ, по приказанію своего мужа, чару водки, или кружку пива и меду. Оларій вмѣстѣ съ Корбомъ увѣряешъ, что жена не только должна была подносити напитки, но и поцѣловашъ почешнаго гоща. Сіе опсшупленіе опъ стариннаго обычая ревности извиняешся и присловіемъ, вѣроятно, опносившимся къ ещому нововведенію: *Поцѣлуй въ пазуху не лезетъ*.

Нарушеніе жъ женскаго стыда и цѣломудрія счишалось величайшимъ прешупленіемъ, позоромъ и соромомъ. Рязанская Княгиня Еупраксія, по убіеніи супруга своего Башыемъ, *заразилась* (убилась); свергнувшись съ высокаго шерема для избѣжанія насилія варвара, ею плвненнаго; Владимірская Княгиня Агаеія съ дочерью и снохою предпочли лучше сторѣшь въ Успенскомъ Соборѣ (i),

(h) Historien u. Bericht von dem Großfürstenthum Muschcow, durch P. Petrejum de Erlesunda. Lipsiae. 1620. 4.

(i) Карамз. И. Г. Р. III. стр. 293.

нежели предашь себя на поруганіе Ташарь. И 1812 года двѣ дочери Священника Марка въ Москвѣ бросились въ рѣку ошъ преслѣдованія враговъ, покушавшихся на ихъ непорочность (к). Рускіе согласно съ древними Римлянами и Германцами думали, что женщина съ упрашною честью своей все перелетъ и, по скользкому наклону порока, можетъ опважиться на всякое пресуупленіе и между прочимъ особенно на колдовство, ш. е. на изводъ поспылыхъ себѣ мужей и привораживаніе милыхъ (l). Одни говорили, что прежде нежели женщина предася распуществу: *научись колдовать*; другіе, что *Nulla adultera, non cadem est venefica*, (m) ш. е. что прелюбодѣйка, шо и колдунья; а послѣдніе, что *Junge Huren, alte Wettermacherinnen*, ш. е. молодыя распущницы бывають въ

(к) При церкви С. Софіи, въ среднихъ садовникахъ; несчастныя, но мужесквенныя дочери его Евдокія и Екашерина погребены на Калешническомъ кладбищѣ.

(l) Это назыв. въ народѣ *любжею*.

(m) *Quiaestil. V. 11. 9.*

спаросши колдуньями (я). Изъ посланія Фонтія Мишрополіша 1410 г. запрещается при-
 „нимаешь *лихихъ бабъ съ узлами*, ни при-
 „молвленія, ни вороженія.“ А изъ посланія
 Игумена Елеазарова монашьяря Памфила
 „въ XV в. видно, что жены на Ивановъ
 „день (23 Юня) жонали дивид коренья на
 „пошворенія мужемъ своимъ.“ Въ Архив.
 Росцков. Дѣлоп. л. 569 значится, что
 „В. К. Иоаннъ положилъ опалу на жену свою
 „Софью, о шемъ, что къ ней приходили
 „бабы съ зеліемъ.“ Въ Дѣлописяхъ встрѣ-
 чающа и другіе сему примѣры, а въ на-
 родѣ повѣрья о вѣдмахъ и пр.

Къ особенностямъ народа Рускаго при-
 надлежитъ обыкновенное сквернословіе,
 обращившееся въ поговорки; объ немъ Мишро-
 полішъ Фонтій въ посланіи своемъ 1410 г.
 говоритъ слѣдующее: „Учише своихъ дѣ-
 „щей духовныхъ, чинобы преспали ошъ
 „скверныхъ словесъ, чино лающъ опцевымъ и
 „мамернымъ.“ Но едвали справедливы эти

(n) Dr. J. E. Eisenharts Grundsätze der deutschen
 Rechte in Schwabmünchen, 3. Aufl. Leipzig, 1823. 8.
 Книжка II. К

иностранные писатели, которые относясь къ развращенію нравовъ извѣстными бранными словами Русскаго народа, по видимому, прошивныя цѣломудрію; онѣ скорѣе могутъ бытъ приписаны трубосши и невѣжеству, шакъ равно и презрѣнію къ распуштству. Простолюдины прямо называютъ пороки насмѣяющимся ихъ именемъ, не прикрывая обоюдностями. Ено доказываетъ справедливость мнѣнія, что чѣмъ обнаженнѣе языкъ, шѣмъ цѣломудреннѣе народъ и обршно.

Съ любовію къ сѣмейной жизни соединена любовь къ родинѣ и къ отечеству, копорая привязываетъ насъ къ своей землѣ, пишаетъ въ насъ благоговѣніе къ ошечественнымъ законамъ, обычаямъ и нравамъ, представляя намъ согражданъ братьями, а ошечество общою матерью, коей мы должны бытъ преданы безусловно. Въ еномъ чувствѣ, источникѣ гражданскихъ добродѣтелей, заключающагося сладкія воспоминанія о колыбели и умилишьяя мысль о могилѣ на ошечественной землѣ, гдѣ кости дѣшей соединились бы съ костями родишелей.

Римляне богошворили любовь къ ошечеству; Рускіе освяпили сляніемъ оной съ благошестіемъ къ Вѣрѣ и съ преданношю къ законной надѣ собою власпи. Въ Тапарскій разгромъ, при неувѣренности въ собспвенности своей и при переходахъ крешьянъ съ одной земли на другую, могла произойши космополишическая пословица: *Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ*, сошвъщшвующая другой, пошожей на Лашинскую, *Всякая страна челоштку отечество*, ubi bene, ibi patria, ш. е. „гдѣ хорошо, шамъ и ошечество.“ Хошя иноплеменное иго ошчаспи и подавляло въ Рускихъ сіе чувствование, споль сродное ихъ сердцу; но не могло совершенно изспрешишь — оно скрывалось въ груди ихъ до штого времени, какъ они спшали свободнѣе дышашь на родной землѣ.

Посшоянная мысль вмѣшпъ съ словомъ любви въ къ ошечеству сильнѣе развилаь у Рускихъ шогда, когда они свергнули съ себя чуждое иго, когда Единодержавіемъ, послѣ Новгородскихъ и Псковскихъ переселеній, скрѣпились части раздѣленной Россіи въ одно шѣло и когда унишожились срочные пере-

ходы поселятъ съ одной владѣльческой земли на другую. Въспѣ съ осѣдлосцію, копорая слипа съ драгоцѣннымъ сердцу человѣческому правомъ собственности, вѣроятно произошли пословицы: *Съ родительской земли, умри, да не сходи*, или *Донъ, Донъ; а луше домъ*, также *Гдѣ сосна выросла, тамъ она и красна*. Сколько жершвъ, принесенныхъ Рускими, оправдывающъ ихъ любовь къ ошечеству, копорое у нихъ заключалось по вѣрѣ въ благоговѣніи къ свяшынѣ ошечественной, по преданности законной власши, въ любви къ Царю, а по привязанности къ кровной, въ уваженіи къ могиламъ родителскимъ! Тотъ хорошо зналъ народъ нашъ, кто назвалъ его *Царелюбивымъ*. Рускіе наименовали В. К. Іоанна Даниловича за радѣніе его о Государствѣ *собирателемъ земли Руской*, К. Михаила Тверскаго *отечестволюбцемъ* (о), а Скопина - Шуйскаго *отцемъ отечества*. Грамоты Келаря Палицына суть живые глаголы любви къ ошчизнѣ. Когда Пешрь I, по свидѣтельству Феофана

(о) Карамз. И. Г. Р. IV. ври. 239 и 519.

рокоповича, увѣщевалъ воиновъ своихъ
 оспояшь за ошечесиво прошивъ много-
 сленнаго воинства Шведскаго, подъ пред-
 дительствомъ Карла XII, всхупившаго
 землю Рускую: тогда „единъ всѣхъ
 былъ голосъ: Гошовы за шебя, Госу-
 дарь, гошовы за ошечесиво! мы до крове
 служисели швои: или Рускими сынами
 намъ бышь, или живымъ не быши намъ.“

Тогда какъ вѣра все опносила къ
 омыслу Творца — мимо оной перешед-
 изъ опдаленнаго язычесива мнѣне о
 , или судьбѣ дѣйсшвовало на душу про-
 людина. Изъ сихъ различныхъ исшочни-
 въ происпекли и прошивоположныя по-
 вѣности. Такъ по вѣрѣ мужъ называется
 кономъ, а по року суженой, кошораго
 на конь не обьдеши. См. спр. 31.

Вѣрованіе въ судьбу, какъ слѣпую и безу-
 стую необходимость въ мѣрѣ, часшо произ-
 шла въ духѣ Рускаго изшупленіе и шу рѣ-
 шимость, съ какою онъ посшупаетъ въ пред-
 яшпяхъ своихъ: *Бойся не бойся, а року не
 новать — Или панъ, или пропалъ —
 или сына клокъ, или шлы въ бокъ —*

или съ стремя ногой, или съ пень го-
вой—или корень вонъ, или полонъ двора.
Двухъ смертей не бывать, а одной
миновать. Изъ шакого фапализма прои-
кали неуспрашимосшь и ошвага, а иног-
слѣпая невнимашельносшь къ опасносши
и беззабошносшь о будущемъ: Семь бл-
одинъ отвѣтъ, или смерть копейка, е-
лова нажитое дѣло и все бездѣля, ш-
же Дѣнь мой и вѣкъ мой, или
тя на часъ, да вскажь и пр. „
„ской народъ, замѣчаешь Гр. Рост-
„чинъ о 1812 г., имѣешь въ нравшвен-
„и физической силѣ своей увѣренносши
„успѣхъ — не вѣдаешь ни препяшши
„ни опасносшей; онъ говоришь: Все е-
„можно; для чегожъ не такъ? дваже
„не умираютъ — и съ сими слова-
„предпринимаешь все, падаешь, или
„ваешь (р).“

Допуская по сему скорѣе предоп-
леніе, нежели спараясь сообразишь и ра-
слишь, Рускій идешь смѣло въ огонь и во

(р) Правда о пожарѣ Москвы, соч. Графа
Ростольна. М. 1823. 12.

спрашно взбираешся на высопы и спускаешся въ глубины, идешь прямо на смерть увѣренностію, что если погибнешь? не на роду такъ написано, а чему? того не миновать (q). Въ моровое вѣспріе, случившееся въ Коспромѣ 1654 г., споль было много мертвыхъ и зараженныхъ, что сдѣлавшіеся жертвою смерти валялись по улицамъ безъ погребенія, почувствовавшіе въ себѣ признаки заразы съ лучшимъ имѣніемъ пащились въ больницу, гдѣ исповѣдавшись и причастившись, шли добровольно въ Убогій Домъ и въ ожиданіи кончины своей, ложились въ ямоу, въ коей клались шрупы умер-

Многіе Браны Карнатскаго Королевства думаютъ, что у всякаго челоука судьба его написана на головѣ; и когда спрашиваютъ у нихъ: гдѣ ешо написано? они отвѣчаютъ, что швы черепа суть буквы сего шансвеннаго письма. *Memoires de Trevoux*, а. 1706, р. 44. Не сходно ли ешо съ Галлевымъ череповіемъ (1806 г.), которое похоже на гадае Древиныхъ по швамъ черепа (*Craniotomie*)? — У нашего же народа есть повѣрье, что Ангель у всякаго на роду пишеть его судьбу.

нихъ. Съ такимъ же равнодушіемъ приходили и другіе послѣ нихъ и, если ходили предшественниковъ своихъ умершими: шовсаливали ихъ въ яму, а сами заняли ихъ мѣста (г). Гдѣ шеперь въ Московскіе огороды на берегахъ Яузы близъ Андронковскаго монастыря, шамъ, по преданію, во время Московской чумы 1771 г. было поле, на коемъ лежали тысячи очумленныхъ, живыхъ и мершвыхъ и умирающихъ. Тогдашніе колодники, назначенные Правительствомъ для прибиранія и погребенія умершихъ отъ чумы, почти всѣ ошались живыми, и не употребляли никакихъ предосторожностей; предохраняла ихъ отъ заразы одна смѣлость и презрѣніе смерти и упованіе на промыслъ Божій. *Не столько смертей*, говаривали, *сколько скорби*. Подобные примѣры видѣли мы въ 1830 г. отъ холеры, которая ознаменована въ Голландіи великодушнымъ самоопроверженіемъ въ отношеніи человѣчеству.

(г.) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты.

Изъ такихъ же испочниковъ часпо
 происшекаетъ и соединенное съ какимъ-
 то самоопроверженіемъ и презрѣніемъ къ
 жизни терпѣніе Рускаго челоука; роковая
 необходимость онаго выражается слѣдующею
 поговоркою: *Терпи, голова, въ кости ско-*
вана! Одно шолько оспается ушѣшеніе, что
Оттерпимся и мы люди будемъ, или Тер-
пи Козакъ, Атаманъ будешь. Сія добродѣ-
 тель иногда переходила въ упорство и зако-
 сѣвнѣе; бывали примѣры въ судебныхъ испя-
 ваніяхъ даже XVIII вѣка въ Россіи, что многіе
 вытерпѣвали ужасныя пышки, по шри пе-
 ченьны, для шого шолько, чтобы поста-
 вить, какъ говоритса, *на своемъ*, или
 опплатишь за мнимую обиду и себя дока-
 зать. Но ешо изключенія, какія вспрѣ-
 тить можно у всѣхъ народовъ. Въ другомъ
 случаѣ условіями терпѣливости посшавля-
 ютъ добро и покорность воли своей, разу-
 мѣннѣе вѣрѣ; ибо, по пословицѣ, *Тотъ*
терпѣливъ быть не можетъ, кто воли
своей не переможетъ — Для спасенія
нужно терпѣнье — Стерпится, слобитъ

ся. Терпѣливость же Русскаго дока-
зываютъ и Лѣшописи Ташарскаго разгрома
Лѣшовскихъ, Польскихъ, Шведскихъ
Наполеоновыхъ вторженій; она видна
шрудахъ его, съ какими не рѣдко онъ добы-
ваетъ себѣ кусокъ хлѣба изъ неблагодарной
и упругой земли подъ суровымъ небомъ. Ту-
неядецъ, дармоѣдъ и міроѣдъ презритель-
ны въ глазахъ Русскаго земледѣльца, ко-
рый убѣжденъ въ шомъ, что *Богъ тру-*
ды любитъ, и что *Кто потыетъ*
нивь, да молится Богу въ клети, тотъ
отъ голоду не умираетъ (s). Но, какъ
терпя и камень треснетъ (лопнетъ): ш
и Рускій тогда шолько шеряетъ шерпѣ-
когда, что называется, за живое его
дѣнушъ и когда онъ вполнѣ почувствуетъ
нанесенную себѣ обиду несправедливую
Фридрихъ великій сказалъ, что *Рускіе*
терпѣливъ до зачина.

Вѣрованію въ случайность приписываютъ
ся беззаботность, удалство, молодецш-

(s) У *Ф. Глипки въ письмахъ Руск. Офицера:*
Волжскія пословицы. ч. 2. стр. 178—80.

икосшь, разгульство и похвальба, кои
 расходящъ въ Рускомъ сколько ошъ фапа-
 лизма, сполько и ошъ характера его, зака-
 леннаго въ разныхъ испыпаніяхъ. Большая
 часшь народныхъ гульбищъ могушь назвашь-
 ся, шакъ какъ въ Ошашковѣ, *беззаботною*
площадью (шамъ жишели собираюшся гуляшъ
 и прохлажашься по Воскреснымъ днямъ) Съ
 какою безпечноспью Рускіе часшо преда-
 юшся судьбѣ своей, съ шакою жъ разгули-
 ваюшъ и размыкиваюшъ горе, вѣря ша-
 рой пословицѣ, что *Здѣсь радость не*
вѣчна и печаль не безконечна, или *Сколь-*
ко ни жить, а обо всемъ не перету-
жить. Но шакъ какъ *смѣлость* почишалась
 вдохновеніемъ Божиимъ; ибо *смѣлымъ Богъ*
владѣетъ; *отвага*, по пословицѣ, *медъ*
пьетъ и кандалы третъ. Вѣрованіе въ судь-
 бу обладая душею, наводишь на нее какое-то
 уныніе и грусь, ошзывающіяся въ Рускихъ
 пѣсняхъ народныхъ и въ самыхъ черсахъ
 лица: но, по сродной челоуѣчеспву крайно-
 сти, сія грусь переходишь въ разгульство,
 какимъ ознаменовываюшся праздники и сопро-
 вождаюшся пиршества у просполюдья, гдѣ

за брашиной пива и за чарою вина ка
море по колыно. Въ крайности Руской
 рѣдко пускаешся на видимую опасность и да
 же опваживаешся на пресупленія съ извѣ-
 стными поговорками: *Суди меня Боеъ, да*
Государь, или со времянь Пешра I, *Суди ме*
ня Сенатъ, да канатъ! — Кшо преодо-
 лѣвалъ великія трудности, назывался *уда-*
лымъ молодцемъ, шакъ равно и шопи-
 кшо перепивалъ другихъ на попойкѣ и
 ребивалъ на кулачномъ бою. *Удалой дол-*
не думаетъ. Изъ приверженности къ соб-
 ственности, или изъ гордости народной
 происходишь: *Не доставайся!* и другая
 вредная поговорка, болѣе частная, неже-
 ли общая, болѣе насмѣшливая подобно
 другимъ, нежели правдивая: *По нашъ сплѣ-*
будетъ, а по насъ хоть трава не ро-
сти. Академикъ Лепехинъ утверждаетъ,
 что сіе мнѣніе въ Симбирской Губерніи
 имѣетъ пагубное вліяніе на лѣса, кои из-
 шребляюшся безъ помышленія о будущей
 ихъ надобности (t).

(t) Дневныя Записки Акад. Лепехина. С. II. 1717.

Хотя нѣкошорые изъ чужеспранныхъ писашелей приписывал Руское непамяшозлобїе легкомыслию и шому, чшо раздражимоспшь ихъ не управлѣшся разумомъ, называющъ соошечеспвенниковъ нашихъ *брадатymi дѣтьми* (bearded children); однако прудно бышъ незлопамяшнымъ безъ великодушїя и безъ вѣры, съ какими наши *брадатыя дѣти* (u) почишали злопамяшсшво, подобно Грѣческимъ мудрецамъ, бременемъ для души: *Тому тяжело, кто помнитъ зло, или Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.* Издревле было на Руси слово, оправданное многими дѣлами: *Бранися, а на миръ слово оставляй — Добрые люди бранятся на миръ и побратавшисъ, сойдутся на добренькїй пиръ, или Сходисъ, бранисъ; расходисъ, мирисъ.* О немиролюбїи Казанскаго Царя съ его вельможами Лѣшописецъ нашъ говоришъ, чшо они *не оставили слова на миръ.* Самое общеупшребисшельное при разсшаванїи слово *прости* выражаешъ духъ миролюбїя въ Ру-

(u) Anecdotes of the Russian Empire. London. 1784. 8

скомъ народѣ и поучительное напоминаніе о послѣднемъ концѣ; оно наше *memento mori*, „помни послѣдняя швоя.“ Сколько ошъ положенія, сполько и ошъ характера Рускихъ, въ нихъ мало замѣшно шой мщительности, какая видна въ другихъ Славянскихъ племенахъ, вѣроятно заимствовавшихъ сіе свойство ошъ сосѣдей своихъ; у насъ нѣшъ пословицы, сходной съ Морлачкою: *Кò се не освѣти, онъ се не посвети*, ш. е. „Кшо себя не опмшшишь, шопъ не посвящися.“ Иллирійцы мщеніе и посвященіе называютъ *освета* (v). Рускіе напрошивъ шого говоряшъ: *Худой миръ лучше доброй брани* и *Брань славна лучше мира студна*, означая одною пословицей свое миролюбіе, а другою духъ воинственный и любовь къ славі. *Дружбу помни, а зло забывай*. Сходная у Рускихъ съ Поляками и другими Славянскими племенами поговорка: *Какъ камень въ воду* (Jak

(v) О нравахъ и обычаяхъ Славянъ Далматскихъ въ No 10 *Сорезнователя Просвѣщенія*, 1818 г. С. II.

kašén w wodę) прежде означала вѣчное забвеніе гнѣва и вражды, а теперь принимается въ смыслѣ невозвратимой упрасы, напр: Zginał jak gdyby kašén w wodę wrzucił, ш. е. пропалъ, какъ будто камень въ воду бросилъ (х). Въ Древности это слово было торжественною формулою при заключеніи мира, означая, что „какъ камень исчезаетъ изъ вида, погружаясь на дно рѣки, такъ да исчезнетъ всякая тяжкая вражда, виновница непріязненныхъ дѣйствій!“ — или какъ говорятъ наши простолудины при заключеніи мировой: *Быть такъ: всѣ бѣси въ воду, да и пузырья въ верхъ* (у)! Съ прекращеніемъ сего обычая, слово получило другой смыслъ. Въ Римско-Католической церкви между обрядами издавна былъ извѣстенъ lapis pacis, камень мира (z). И древніе Римляне при договорахъ своихъ клялись, держа камень въ рукѣ, и бросали оный, убивъ

(х) Przysłowia narodowe. K. W. Woycickiego. Warsch. 1830.

(у) Труды Общ. Ист. и Древн. Росс. ч. IV. см. X.

(z) Ducangii Glossarium med. Latin.}

свинью съ слѣдующимъ заклинаніемъ: Si
 „sciens fallo, tum me Diespiter salva urbe,
 „arceque, bonis ejiciat, ut ego hunc lapidem,
 „ш. е. Если завѣдомо обманываю: по, какъ
 „я кидаю сей камень, шакъ пусшь выки-
 „нешъ меня Юпишеръ (Свѣшодавецъ) изъ
 „всего города, крѣпосши, и лишишь меня
 „имущесства!“ (а). Мимоходомъ замѣшимъ
 здѣсь, что, по древнему Требнику, спикляни-
 ца, изъ коей по чиноположенію вкушали
 брачующіася, должна бышь разбиша и
погружена съ камнемъ въ воду (b). Осно-
 вываясь на словахъ Св. Евангелія, ерешни-
 ковъ и богошшшупниковъ *бросали съ кам-*
немъ въ воду: чему въ XII в. под-
 вергся Феодоръ Ростовскій. До временъ
 Екашерины II, разбойники Брянскихъ
 лѣсовъ навзавъ прохожимъ, попавшимъ
 имъ въ руки, камень на шею, бра-

(а) *A. Gellii N. A. I. 21. de Jove lapide.* Полувій,
 III. 25. назыв. сей обрядъ: *ὄρκος ὄβρις λίθου*,
 клясться Юпишеровымъ камнемъ.

(b) Потребникъ, печаш. при Патріархѣ Іосифѣ,
 въ Москвѣ 1652 г. — *М. Платона* крацкад Церк
 Росс. Ишторія: М. 2 ч. 1809.

сывали ихъ вилами, на дорогѣ изъ Рославля въ Брянскъ съ мѣловой горы въ Десну, приговаривая: *Не мы тебя бросаемъ, а вылы. Бросить камень въ воду* значить также: сдѣлашь зашрудненіе, препящсвіе. сп. 1 ч. сей книги.

При забвеніи зла, Руской любишь хранишь воспоминаніе о доброй спаринѣ своей и не охотно принимаешь *новизны*, въ коихъ его пословица подозрѣваетъ *кривизны*.

Замѣчаемая въ жишьѣ-бышьѣ и нравахъ просшоша, въ спарину и даже въ новѣйшія времена у Рускихъ, особливо между просполоудинами смежна съ доброшою, умѣренносшою, но не разлучна также и съ грубосшою, подѣ обликомъ коей иногда являющся намъ добродѣтели и мнѣнія народныя, выражаемыя пословицами. При удаленіи себя ошъ прихошей и причудъ роскоши, опросшаніе сердца ошъ лукавсшва и крамольныхъ спрасшей, чисшоша совѣсши и нравовъ есшъ исшя Руская просшоша, прекрасная и подѣ сѣрымъ кашаномъ, любезная и подѣ соломенной кровлею убогой хижины, не рѣдко достойной сожившя Ангеловъ, но.

Книжка II. Л

пословицъ: *Гдѣ просто, тамъ Анеловъ со сто, а гдѣ хитро, тамъ ни одного.* „Въ проспошѣ сердца, какъ говаривалъ М. Плашонъ, Богъ опочиваетъ.“ Проспоша принимается въ смыслѣ *чистоты* — *половинъ спасенья* — кошорая, по пословицѣ, *Человѣка къ Богу приводитъ*. Та и другая водворяя въ сердцѣ покой, а въ сѣмѣ совѣшъ и любовь, надѣляла благоденствіемъ и долговѣчностію; пошому что *Кто живетъ просто, тотъ проживетъ лѣтъ со сто*. Проспоша въ смыслѣ оплошности *хуже воровства*; однакожь и на всякаго мудреца живетъ довольно *простоты*.

При сангвинико-холерическомъ темпераментѣ съ примѣсью меланхолическаго, какой замѣчается въ большей части Русскихъ, они имѣють не много пошребностей, и шѣ умѣренныя и безъ причудъ; малыиъ довольны въ жишѣ-бышѣ своемъ, шакъ что, по ихъ же слову, для счастья нужно шолько: *Хлѣба съ душу* (ибо душа всему мѣра), *денегъ съ нужу*, *платья съ ношу*: они любили *жить въ тѣснотѣ*,

да не въ обидѣ; имѣть избу не красну
 углами, да красну пирогами. По старин-
 ному повѣрью, Кто малымъ доволенъ, тотъ
 у Бога не забытъ; почему въ народѣ ве-
 дешся молишвенный приговоръ: *Напитай,
 Господи, душу малымъ кусомъ!* Хотя
 Рускіе просолоудины, по шагоспнымъ
 шрудамъ и суровому климашу своему, упо-
 шребляющъ пищу, соразмѣрную шому и
 другому; однакожь обжирство почишающъ
 за грѣхъ, шакъ равно несвоевременную
 ѣду и лакомство; ибо, по ихъ слову, *брюхо
 добра не помнитъ.* Одни шолько праздники
 слушающъ сему исключеніемъ. Въ нуждѣ про-
 солоудинъ часшо можещъ пробавляшся весь-
 ма малымъ количествомъ просшой и грубой
 пищи, и ѣсшъ однажды въ день: *Не до жиру,
 а быть бы живу — Не вляный хлѣбъ не
 голодъ, а посконная рубашка не нагота.*

Извѣдавъ пошомъ и кровлю цѣну хлѣ-
 ба, онъ дорожищъ каждою крошкой она-
 го; признавая его даромъ Божиимъ и
 называя своимъ отцемъ, онъ за грѣхъ счи-
 шаешъ приняшся за него, какъ бы за свя-
 пыню, неумышными руками и безъ молишвы.

У него завпракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ начинающся, подобно Воспощнымъ народамъ, умовеніемъ рукъ и полишкою. Вспрѣчая восхожденіе солнца, какъ говорится, съ молитвою въ устахъ и съ работою въ рукахъ, онъ сберегаетъ много времени для шруда и покоя, въ шой увѣренности, что *Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ. Его утро мудренѣе вечера.*

Умѣренность въ пищу и простота въ жилищѣ соопшвѣщивовали бережливости въ одеждѣ Рускихъ, прочной, покойной, нероскошной, единообразной и приличной климату. Они любили шабъ носить, чтобы *шло-су не было* и чтобы изъ дѣдовскаго каштана оспалось и внуку; не спыдились починивши свое платье, оправдываясь шбмъ, что *Царь Государь и города платитъ*, ш. е. починиваетъ. О личной игрѣ въ одежду говорили: *на брюхѣ шелкъ, а съ брюхѣ щелкъ*, ш. е. что щегольство ведеть къ гелоду. Бережливости у нихъ починивалась хозяйственною добродѣтелью, которая до *елку корчитъ трудовыми дѣлами* Хошь

*маленька добычка, говоришь Руской народъ, да большая бережь; поштому что бережно, такъ недолжно. Сія добродѣшель основывалась на предусмотрительности, съ какою берегли бѣлую денежку, доставляемую терною работою, на терный ден, ш. е. на нужду, на голодъ, на бѣду, родящую деньги; ибо, по шаринному рашу, денежка рубль беретъ, а рубль голову стережетъ. Любимою поговоркой великаго Хозяина въ нашемъ опечеснѣвѣ Петра I была: *Кто не беретъ попейки, тотъ самъ не стоить рубля.* Условіемъ же прочности и швердости приобретенной соснавалась добросовѣстность съ увѣренностію, что одна трудовая, праведная денежка до вѣку живетъ, а неправедная прибыль огонь, или Иной продаетъ съ барышемъ, да ходитъ нагнѣемъ. Такія-шо праведныя денежки соснавали прочную основу родовыхъ ижвий, кой росли при собою купленіемъ шудова потомковъ къ шудамъ предковъ; нажитое одними сохранилось и приуможалось другими; ошъ сего *Дворанскіе животы* на Руси омыли хомъ *топты-**

ми, да долими. Но и еша пословица вышла изъ употребленія.

Предпочишая вѣрную и малую выгоду невѣрной, хошя и большой, Рускіе говорятъ вмѣстѣ съ Нѣмцами: *Не сули журавля въ небо, дай синицу въ руки*, Ein Sperling in der Hand ist besser, als ein Storch auf dem Dache, ш. е. „воробей въ рукѣ лучше, чѣмъ журавль на крышкѣ.“ Но изъ великодушія, или щеславія, особливо въ сродномъ Рускому разгульствѣ и шоровашосши, у него *одна денежка и та ребромъ* (всякая копейка ребромъ), пакъ чпо *хвастливаго съ богатымъ не узнаешь.* Онъ ни за что не постоитъ, чпоби шолько себя *лицемъ въ грязь не ударить.* Кому не извѣсна его похвальба: *Знай нашихъ!* Довольствуюсь самъ скудною пищею, онъ бережешъ хорошій кусокъ для *хорошаго челоука*, для кошораго, какъ говоришся, *члмъ богатъ, тлмъ и радъ*, или *что въ печи, все на столъ меги.* Радущіе же хлѣбосольства Рускаго объясняющъ намъ и слѣдующія пословицы спаринныя: *Гости названы, и постели посланы.* — *Гость.*

*добрый всегда хозяину приятенъ — Не
 будь гостю запасенъ, да будь ему радъ.*
 Ничто сколько не оскорбляло честолюбія
 хозяина, если у него не чѣмъ было угоспшишь,
 или засшавали его въ расплохъ; шогда гова-
 ривали: *Гость на дворъ и бьда на дворъ—
 Не во время гость хуже Татарина —
 Гость дорогой, а день середной, ш. е.*
 постшной, когда меньше кушанья, чѣмъ въ
 скоромной день. Исклученія въ часшныхъ
 чершахъ скупосши и недоброохошсшва со-
 сшавляющъ неизбѣжныя прошивоположно-
 сши какъ въ сей, шакъ и въ другихъ подоб-
 ныхъ добродѣшеляхъ.

Сильное имѣешъ дѣйспвіе надъ серд-
 цемъ Рускаго *доброе и ласковое слово,*
 кошорое, по его пословицѣ, *лучше мякаго
 пирога.* Гдѣ нельзя преклоншшь Рускаго
 просшюлюдина силою и грозою, шамънерѣдко
 привѣшливое слово, подарокъ и угощенье
 смягчающъ его сердце, располагая его къ
 услугѣ; ибо для него *Ласково слово пу-
 ще дубины, а ласково слово не трудно,
 да споро.* Пословица гласшшь: *Не бей му-
 жика дубьемъ, да бей его рублемъ,* шакже

Не бей мужика дубиной, да бей его полтиной. По сему для наклоненія прослоюдина къ добру, его же пословицы учашь посшупашь съ нимъ *честно*, а для отвращенія его ошъ зла — *грозно*; ибо по выраженію пословищному *Лѣшописи*: „Какъ конь подъ Царемъ безъ узды, такъ Царшво безъ грозы“ (с). Старая Руская пословица свидѣшельствуетъ, что *Громъ не грянетъ, мужикъ не перекреститъ*.

Ека шерина П по опыту признавъ Руской народъ осебненнымъ въ міръ, сказала, что „онъ одаренъ *догадкою*“, кошорая, по его пословицѣ, *лучше разума*. Съ ешою догадкою онъ переимчивъ и до всего самъ дойдешь и *на что не взеллетъ, того не сдѣлаетъ*; но еша переимчивосшь подражательносши близка къ легкомысленносши въ нѣкошорыхъ классахъ народа, при коей онъ *отъ одного бѣрега отстиметъ, а къ другому не пристанетъ*.

(*) *Никол. лѣшоп. г. 1853.*

Какъ въ лѣтописцахъ, писанныхъ въ бывшихъ удѣлахъ Россіи, такъ, равно и въ пословицахъ, происшедшихъ отъ древнихъ раздоровъ и ссоръ, видны разные мнѣнія одной стороны о другой. Московскій Лѣтописецъ говоритъ о сошчичахъ, что они *смирные и набожные*, а о Рязанцахъ, что они искони были *горды и суровы* (d); о жителяхъ Новгорода Московская поговорка гласитъ: *Упряжь, какъ Новгородецъ*; а Малороссійская: *Винъ такъ намоскался, що изъ пидъ живаго пята рѣжетъ. Московска вира* по же значить, что у Римлянъ *Graeca fides*, Греческая вѣрность, и ш. д.

Хитрость Рускихъ въ торговыхъ дѣлахъ, особливо съ иноземцами, издавна была извѣстна, такъ какъ и пословица *Товаръ лицомъ продать*. Непрей, согласно съ другими иностранными путешественниками въ Россію, говоритъ, что „Рускіе въ торговлѣ и мѣтъ весьма обманчивы,

(d) *Карамз. И. Г. Р. V. 50.* — Герберштейнъ напрошивъ шого хвалитъ Рязанцевъ и Новгородцевъ.

„извороплявы и хищры; запрашивають бо-
 „дѣе, нежели сколько спрошь поварь.“ Сло-
 ва Пешрея подшверждающяя пословицами:
*Запросъ въ карманъ не лезетъ — Не по-
 каря, ничего не купишь, а не похваля,
 ничего не продашь.* Таковъ уславъ пор-
 говли, кошорый едвали не заимствованъ Рус-
 кими въ древнихъ ихъ связяхъ съ Греками!

„Рускіе, свидѣтельствуетъ Италія-
 нецъ Рафаиль Барберини — въ XVI в. (e)
 „въ торговыхъ дѣлахъ чрезвычайно ловки,
 „говоряють много и прияшно, а поступають
 „худо, не упуская случая обмануть; что
 „имъ нерѣдко удаешся, если имѣють они
 „дѣло съ людьми довѣрчивыми и просными;
 „они всячески поддѣлываютъ свои шовары;
 „покупая соболей и другіе мѣха, спараються
 „выспавишь ихъ гораздо лучше, и для по-
 „го скрываютъ все, могущее убавишь ихъ
 „цѣнность. Не рѣдко случается, что про-
 „давцы отпускають покупщика изъ лавки
 „подъ шѣмъ видомъ, что они не согласны

(e) *Relatione di Moscouia scritta da Raffaello
 Barberino al Conte di Nubarola. Anv. 1565.*

„ему успунишь шоргуемую вещь за пред-
 „лагаемую имъ цѣну; попомъ обмѣнивши
 „ее, кличущъ его, или сами идущъ къ нему
 „и ошдающъ негодный шоваръ за хорешую
 „цѣну.“ Такое описаніе Московской шоргов-
 ли въ XVI вѣкѣ напоминаетъ сларыя посло-
 вицы: *На гнилой товаръ слпой купецъ и*
Не товаромъ Боеъ кормитъ, а купцемъ.
 Однако шопъ же писашель, кошорый иногда
 судиль по часпнымъ слунаямъ объ общемъ,
 говоришь, чпю „по всему Рускому Государ-
 „ству можно ѣздитъ безъ всякой опасности
 „и не подвергашься ни нападеніямъ, ни гра-
 „бежу на большихъ дорогахъ, имѣя при себѣ
 „деньги и драгоцѣнныя вещи.“ Какія же
 имѣли мнѣнія Рускіе о воровствѣ, подѣ ко-
 имъ иногда разумѣли они всякой обманъ,
 видно изъ слѣдующихъ пословиць раз-
 ныхъ эпохъ: *Лучше торговать, члмъ*
воровать — Вору висльица да клутъ,
а доброй всегда не плутъ — Воръ во-
руетъ не для прибыли, а для гибели —
Воровство послднее ремесло, и проч.

До XVIII вѣка Рускіе почерпали про-
 свѣщеніе болѣе въ своемъ опечески, не-

жели въ чужихъ спранахъ, неохотно принимаемая заморскіе обычаи и нравы изъ опасенія, чшобы шѣмъ не нарушишь опечесшвенныхъ ушавовъ и преданій и не поколебашъ Вѣры православной ; кромѣ нословъ, купцевъ и спранниковъ къ Св. Мѣстамъ, едва ли кто изъ Рускихъ ѣздилъ въ чужіе край, о коихъ гласишь старинная народная пословица : *Славны бубны за горами, а придуть какъ лукошки.* По свидѣтельству Барберини, одинъ Полякъ спросилъ Рускаго: „По-
 „чему соопечесшвенники ваши не спсыла-
 „юшь дѣшей своихъ въ чужіе край, но
 „держашъ ихъ у себя дома въ грубомъ
 „невѣжесшвѣ, шогда какъ наши дѣпи заим-
 „спвуюшь опъ другихъ народовъ познанія и
 „обращеніе съ людьми? — „Пошому, опшвѣ-
 „чалъ послѣдній, чшо наши дѣпи родяшся
 „съ шѣмъ, чего ваши не имѣя дома, принуж-
 „дены бываюшь искашь въ чужихъ краяхъ.“

Здравый разумъ, опышность и снаровка въ Рускихъ часшо шоржесшвовали надъ ученосшю иностранцевъ, по собсшвенному ихъ призванію и по многимъ пригѣрамъ.

Особливою чертой Рускихъ песнавъ-ляюшь насмѣшливоснь, болѣе однакожь добродушную, чѣмъ влюбную; острое и красное слово было иногда родомъ месни, какою они удовлетворяли себя за обиду. Сія черта видна въ топографическихъ и географическихъ названіяхъ, въ пѣсняхъ, пословицахъ и прибаутикахъ, также въ прозвищахъ, какія давались или опъ свойствъ чловѣка, или особенныхъ какихъ случаевъ; ибо, по древнему суевѣрію, въ сѣверну шаили имя, полученное при св. крещеніи (f). Не было войны съ чужезпранными народами, ни одного сословія, ни одного чина — о чемъ бы не соснавлялось у нихъ саширическихъ пословицъ, прямыхъ, или ино-сказательныхъ, какъ увидимъ въ послѣдующихъ частяхъ сей книги.

Такъ какъ разные характеры народовъ соснавлены изъ добродѣтелей и пороковъ, изъ хорошихъ и дурныхъ ка-

(f) Въ Трудахъ Общ. Исторіи и Др. Росс. ч III. ст. II. *О личныхъ собственныхъ именахъ у Славяноруссовъ.*

честивъ (g): по и старину одни называютъ въкомъ прямаго благочестія и добродѣтели, проспошы и цѣломудрія, а другія временами грубесни и жестокосни, пьянства и безспидства. Не, при безприсраешномъ сличеніи свѣдѣльскъ споронъ съ шемными въ нравахъ Рускаго народа, первыя возьмунъ верхъ надъ послѣдними; ибо его всплывосшь и раздражисельносшь вознаграждающа добродушіемъ и незлопамятствомъ, грубосшь ирмодушіемъ — пороки его коренными добродѣтелями, не образованносшь природнымъ умомъ и догадкою, съ коими Руской *на все готовъ и гораздъ*. Законодательница Россіи свидѣтельсшвуешъ, что „Руской народъ есшь особенный въ цѣломъ свѣтѣ; Богъ ему далъ „опшличныя ошъ другихъ свѣисива.,, Екашерина II — пишешъ другъ ея, Княгиня Дашкова — „приписывала народу своему превосходныя дарованія шѣла и души, силу, храбросшь и догадку.“ Какъ, по словамъ

(g) Наказъ, стр. 52. — О сущесствѣ законовъ, соч. Моншескье. 4 ч. М. 1810. 3.

Наказа, „нравы и обычаи сущь уснавовле-
 „нія всего вообще народа“ (h): шо время и
 просвѣщеніе, соразмѣрное потребностямъ
 народа и согласное съ цѣлю правленія,
 могутъ возвысить и утвердить добрые
 нравы и облагородить похвальные
 обычаи прослоюдина, не снѣняя зако-
 нами прашеческихъ его обычаевъ, дабы чрезъ
 шо не снѣснишь его добродѣтелей и не
 изладишь подлинности характера, отличающей
 Рускихъ отъ другихъ народовъ; вред-
 ные же обычаи и дурные нравы испреблиси,
 или посшеленно ослаблѣши шѣми же средст-
 вами, какими возвысились хорошіе. Вѣяко-
 му извѣстно, въ шѣсной связи нравы и
 обычаи народа съ его законами и посше-
 пеннымъ просвѣщеніемъ; послѣднія сообра-
 зуясь съ первыми, крѣпче могутъ соеди-
 нять, но не раздѣлять разныя сословія на
 рода въ любви къ отечеству и въ преданно-
 сти къ Св. Вѣрѣ и законной власши. Та-
 кимъ образомъ добрая Руская старина во-

(h) Наказъ, стр. 52.

дворится въ пресвѣщенномъ попомствѣ :
наслѣдственныя ея пословицы, оживленныя
событіями, оправдающія или опровергнувшія
правилами здравой Философіи къ возвышенію
и ушверженію не только политической,
но и нравственной самобытности народа.

Но такъ какъ основаніемъ нравовъ
служитъ Правосвенность—и одни перемѣ-
няющіяся, а другая остается неизмѣнною :
то мы перейдемъ къ сей послѣдней для
примѣненія и повѣрки съ правилами оной
Русскихъ пословицъ, кои, какъ выше ска-
зали мы, служатъ наущеніемъ въ жизни
простолюдину, содержа въ себѣ его при-
роду и бытъ, Вѣру и Нравоученіе.

у.) *Нравственныя пословицы.*

Кому не извѣстно, какую имѣютъ силу народныя пословицы въ гражданской и сѣмейной жизни, гдѣ онѣ примѣняются къ разнымъ ея обстоятельствомъ; ими, какъ бы печатью утверждающа сужденія и оправдывающа поступки. Но какъ почти всѣ спрасши могутъ быть выражены своими пословицами, а не всѣ оправдывающа законами Нравственности: по между пословицами у всѣхъ народовъ встрѣчающа такія, кои относясь къ спрасшамъ или предразсудкамъ и будучи справедливы опчасши, а не вообще, не могутъ войти въ составъ Нравоученія и сдѣлаться законами воли человѣческой, выводимыми изъ опыта и наблюденія. За то найдеша много такихъ пословицъ, кои основываясь на здоровомъ разумѣ, на благихъ нравахъ и обычаяхъ доброй спарины и на правилахъ св. Вѣры, приводящъ къ добру и предспавляющъ гибельныя слѣдствія порока и шоржесство добродѣтели; въ нихъ заключающа начала шой общей Нравственности, на коей утверждающа

всѣ частныя должности человека и копоря не рѣдко познаешь по откровенію совѣсти и по здравому смыслу. Посему, съ одной стороны въ пословицахъ народныхъ нерѣдко представляются постыдныя суевѣрія, закоснѣлые предрассудки и заблужденія, перенятыя только по привычкѣ и давности: испочинки оныхъ въ укоренившихся въ народѣ языческихъ понятіяхъ, кои не могла совершенно испрести и Вѣра православная, во вліаніи чужеземнаго духа, въ сексахъ и расколахъ, кои дѣйствовали на умы народа, такъ равно и въ невѣжествѣ и грубости. Съ другой, болѣе утѣшительной и пріятной стороны являющіяся намъ въ прослыхъ, но сильныхъ и многозначущихъ выраженіяхъ превосходныя правила гражданскихъ и *сѣмейныхъ* обязанностей и добродѣтелей мысли, современныя всѣмъ временамъ; онѣ могутъ сослужить народное *Руское Нравовоученіе*. Между шѣмъ какъ возникающая Философія поглощаетъ древнюю протопу нравственныхъ изреченій, въ поестію облеченныхъ, а нововводимое воспеваніе

высшаго сословія народа даетъ новое направление: низшая, многочисленнѣйшая часть онаго, далекая еще отъ просвѣщенія и, по большей части, безграмотная, крѣпко держится своей старины и осмѣется при опеческихъ правилахъ, передаваемыхъ въ пословицахъ — *живетъ, какъ говоришь, умомъ и благословіемъ родительскимъ*. Сія правила, почерпнушыя изъ вѣковыхъ опытовъ людьми умными, освящающся уваженіемъ попомковъ къ предкамъ, какъ бы заповѣди сихъ послѣднихъ, составляя невидимый союзъ однихъ съ другими. Прежде, нежели просвѣщеніе раздѣлило мнѣнія народа, и у высшаго сословія были почти одинаковыя пословицы съ просхолюдинами и сходныя во многомъ нравы и обычаи.

Если Французы назвали свои гномы и апогегмы *мудростію народовъ* (a sagesse des nations), Нѣмцы *справедливими словами* (die wahre Wörter) (i): то Рускіе могутъ наименовать свои пословицы своею Нравственностію, кои болѣе ими

(i) Калмыцкая пословица утверждаетъ, что *Правда есть пословица*.

самими придуманы и домыслены, нежели заимствованы отъ другихъ народовъ. Если соотечественники наши не столько угождали оспроумію, какимъ блискаютъ французскія пословицы: за то они старались избегатьъ кощунства, своеволія, легкомыслія, утверждая своими словами наследственное, сродное имъ благочестіе, добродушіе и смиреніе, какъ вѣрнѣйшія средства къ обузданію крамольныхъ спраспей и къ водворенію благоденствія въ общественой и сѣмейной жизни.

Въ сихъ свойствахъ народа Рускаго, выраженныхъ его же словами, находя основанія Правоученія — постараемся вывести изъ оныхъ начала важнѣйшей, не токмо для народа, но и для человѣчества науки направленія воли къ частному и общему благу чрезъ исполненіе обязанности къ самому себѣ и другимъ. Та и другая обязанность соединяющаясь въ Богѣ, въ руку Кошораго власъ вся земли (к). Ежели въ Немъ источникъ добра и истины: то Его воля должна быть свѣтлѣйшимъ закономъ.

(к) *Сирахъ*, гл. X.

Человѣкъ, какъ разумно-свободное существо, долженъ въ самомъ себѣ находить побужденіе добровольно подчинять свои дѣйствія суду разума и совѣсти, слѣдовать оному даже съ пожертвованіемъ своими склонностями и выгодами. Такая въ немъ подчиненность составляетъ истинную свободу, безъ коей не можешь существовать Нравственность. *Вольному воля, спасенному рай*. Полагая основаніе благоденствія въ покорности воли разуму, Русскіе пословицей своей утверждали, что *Кто воли своей не переможетъ, тотъ и счастливъ быть не можетъ*, или *Дай сердцу волю, заведетъ тебя въ неволю*; ибо иногда подъ *неволю*, а иногда и подъ *свободу* они не рѣдко разумѣли обузданіе страстей и покорность закону, безъ чего и *Господи въ неволь у прихотей своихъ*. Ещо была свобода не политическая, но нравственная; первая называлась *вольностію*, *волею* и не рѣдко смѣшивалась и съ своеволіемъ, за кошорымъ слѣдуетъ порча и добровольное рабство. *Воля и добра мужа портитъ — Воля портитъ, а неволя учитъ*.

Такъ какъ источникъ человеческого Правоученія — разумъ, часно подвергающійся заблужденіямъ, не можешь самъ собою утвердишь себѣ правилъ: по первымъ началомъ нравственныхъ дѣяній и полагаешь преданность волѣ Божіей: *Будь воля Божія!* ибо въ ней заключается исполненіе дѣлъ правды, кешора, по старинному изреченію, *свѣтлѣ солнца*, и *Все минется, одна правда остается*. Но какъ правду Божь видитъ: по къ познанію источника оной обращаетъ слѣдующая пословица: *Умная голова, разбирай Божьи дѣла!* Выраженіемъ же ограниченности разума, при недоумѣніи, или неувѣренности, служила поговорка: *Божь вѣдаетъ* (1). Многія изъ прекрасныхъ добродѣтелей и намѣреній Русскими поговорками обращая къ Богу, какъ по: благодарность — *Спаси Божь, спасибо*, доброжелатель-

(1) Разсужденіе изъ натуральной Богословіи о началѣ и происшествіи натур. Богочинаія, соч. Д. Аличкова. М. 1769. 4. — Разсужденіе о корени началъ Хрістіан. дѣятельности, с. Егерафа.

ещво — *Богъ на помощь*, радушіе — *Чѣмъ Богъ послалъ*, и ш. д. см. спр. 30.

Такимъ образомъ предки наши, начиная и оканчивая все Богомъ, все къ Нему относили, и на сихъ отношеніяхъ основывали обязанности свои къ Творцу, къ ближнимъ своимъ и къ самимъ себѣ. Такъ какъ жизнь человѣческая представляеть въ себѣ совокупность дѣйствій и обязанностей: по сіи послѣднія утверждающіяся на любви и справедливости, а дѣйствія происпекающъ или изъ добросовѣстности, или пребываній обязанности.

Если *рубашка къ телу ближе*: по начнемъ съ обязанности челоѣка гражданина, сѣмьянина и члена Церкви къ самому себѣ, а въ нихъ открояются и другія его отношенія, безъ коихъ онъ не былъ бы челоѣкомъ. *Другъ обо другъ, а Богъ обо всѣхъ*.

Поставляя достиженіе высшаго совершенства въ жизни высшею цѣлью челоѣка, предки наши почитали всѣ возрасты ученіемъ, по ихъ пословицѣ, *Впѣкъ живи, въпѣкъ учишь*; ибо *Ученъе свѣтъ, а не ученъе тѣма* — *Ученъе красота*, а не-

ученье сухота. Впрочемъ, по внутреннему ощущенію правошы, оцѣняя знанія другихъ, они прибавляли: *Ученаго учить, лишь только портить.*

Пишая въ себѣ чувствованія соснираданія, милосердія и доброхошства, сближающія людей между собою, человекъ возбуждаешъ въ себѣ мысли о нравственномъ чинѣ въ мірѣ и о вѣрѣ въ Промыслъ Божій, кошорый *все Свое строитъ* съ опеческимъ попеченіемъ; ибо, по выраженію Руской пословицы: *Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей.* Какъ благочеспіе естъ непоколебимое основаніе добродѣтелей и обязанносней: шѣ изъ него раждаешся преданносшь волю Божіей, какую замѣчаемъ въ Рускихъ. Хошя благоговѣніе иногда и обращаешся невѣжесшвомъ въ суевѣріе; но самыя шолки и расколы болѣе сушь слѣдсшвія какой-шо жажды вѣры, нежели скудосши въ оной, или изувѣршва.

Весьма мало Рускихъ пословицъ, и шо произшедшихъ въ позднѣйшее время, опшзывающся вольнодумсшвомъ и кощумсшвомъ, кошорое проивошло или опшъ нау-

вѣршва, или опъ духа разныхъ ученій, проникавшихъ изъ чужихъ странъ въ Россію и нерѣдко входившихъ въ моду: *Что стыдно и грѣшно, то въ обычай вошло.*

Хотя Промыслъ печется равно обо всѣхъ; но и человекъ не долженъ предаваться слѣпой безопасности, а беречь себя; ибо *Береженаго и Богъ бережетъ.* Общее у человека съ животными чувствіе самосохраненія, возвышенное Нравственностію и освященное Вѣрою, внушаетъ ему заботливоснѣ и поученіе о благосостояніи своемъ. Такъ какъ шѣло служишь ему орудіемъ къ исполненію обязанности: по и долженъ онъ хранишь свое здоровье воздержаніемъ, или говоря Рускою пословицей: *Береги здоровье подъ старость*: ибо въ *земъ молодъ похвалится, въ томъ старъ покается — Чѣмъ поиграешь, тѣмъ и зашибешься.* Здоровью вредящъ спрасни измѣждающія, какова: завнѣшь, злоба, печаль: опъ нихъ остерегающъ насъ и пословицы, показывая гибельныя ихъ дѣйствія: *Тому тяжело, што помнитъ зло — Завистливый съх-*

*нетъ и о томъ , когда видитъ счастье
въ комъ — Кто завистливъ , тотъ и оби-
дливъ — Печаль не уморитъ , а здоровье
повредитъ.*

Но если человекъ пожертвованіемъ своей жизни можешь исполнить свою обязанность къ другимъ , особливо къ своему Государю и къ Ошечеству; ибо онъ чинаешь въ совѣсти своей сію обязанность: тогда онъ долженъ живоить свой положить — тогда за честь голова гинетъ. см. выше, стр. 109. Любя свое ошечество, мы любимъ добродѣтель.

Обязанности къ другимъ происходящъ изъ любви и справедливости, кои основываются на уваженіи нравственнаго достоинства въ подобныхъ намъ; ибо *Вся люди, все челоовки.* Такъ какъ *Душа*, по пословицѣ, *всего дороже*: по Руской прослоюдимъ усовѣщиваешь другаго въ правдѣ словомъ просшимъ, но по смыслу своему многозначущимъ: *Душа надобна!* или *Побойся Бога!* Первымъ напоминая о спасеніи души, а другимъ о спрахѣ Божіемъ обязанности любви къ сочеловѣкамъ пре-

буюшь опъ насъ споспѣшествованія ихъ благосостоянію по мѣрѣ силъ своихъ словомъ и дѣломъ; ибо и сама природа влечетъ насъ къ челоѣколюбію, а пословица согласно съ нравственнымъ закономъ обязываетъ такъ жить, чшобы: *Всѣмъ добро, никому не зло; то законное житье.* Подражая промыслу Творца, мы должны спремиться къ цѣли жизни распространеніемъ добра на родныхъ, друзей, соотечественниковъ, а пошомъ и на все челоѣчество, коль скоро опкроешься къ тому случай и возможность; но шакъ, чшобы *гужую крышу крыть, а своя бы не текла*, ш. е. благошвора чужимъ, не оставляшь безъ помощи ближнихъ; ибо *Своя рубашка къ тѣлу ближе*, или какъ гласитъ Нѣмецкая пословица, сходная съ Рускою, о правахъ родства: *Daß Heimb mit näher, als daß Gast*, ш. е. „рубашка ко мнѣ ближе кафшана.“ Въ сшашь о сшарыхъ обычаяхъ и нравахъ выше приведены пословицы, свидѣтельствующія объ уваженіи къ сшаршинству, о почшеніи къ родителемъ.

Въ благошвореніяхъ справедливость предпочитается добротѣ; желая блага друзьямъ и ближнимъ, несправедливо поступимъ, когда будемъ основывашь оное на бѣдшвіи, или вредѣ чужихъ. *Другу дружи, а другому (недругу) не вреди* (не груби). Сосраданіе не есть одно чувствованіе, средное челоѣчешиву, но исполненіе обязанности, кошорая предписываетъ намъ по всей возможности помогашь всякому спраждущему сочелоѣку — будешь ли онъ предмешь нашей любви, или ненависти. Въ опечешивенной Псторіи примѣръ Гжевскаго, положившаго живощъ за врага своего Ляпунова въ шой увѣренности, что дни его полезны для опечешива, есть необыкновенный въ льшописяхъ челоѣчешивъ. И Спасишель міра повелѣвая душу свою положишь за други, шакую любовь называетъ высшею: *Больши сеш любви, никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (m). Сіе священное правило исполнила крешьянинъ Сусанинъ, пожерпшовавшій жизнью своею за спасеніе

(m) Іоаннъ, XV. 13.

Царя Михаила и тысячи Рускихъ, у которыхъ примѣръ Регула не рѣдкость.

Хотя, по пословицѣ, *отруби себѣ ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ*; однакожь сія естественная въ чловѣкѣ склонность будетъ несправедлива и прошивна Правосвенности, ежели онъ спремится къ личности своей, не забываясь о благѣ общемъ, если, изъ самолюбія и своекорыстія, онъ другихъ обращаетъ въ средство — *чужими руками жаръ загребаетъ*. Такъ какъ, по дѣйствію правосудія Божія, счастье, созданное на несчастіи другаго, непрочно по своимъ основаніямъ, пресупно и даже губельно по своимъ слѣдствіямъ: по сему — *Ищи себѣ прибыли, другому не желай гибели, или Не все для себя, ино мѣсто и для другихъ*.

Какъ благошворительность есть свѣтъ жизни, такъ самолюбіе есть тѣнь, подавляющая въ сердцѣ чловѣческомъ сѣмена добра и оспавляющая въ немъ пустошу, а въ другихъ возбуждающая ошвращеніе. *Самолюбъ никому не любъ*.

Ежели равнодушіе къ общему благу есть несправедливостъ: шо посягательство на оное словомъ и дѣломъ есть уже пресупленіе противъ человѣчества и общезны. Общее родство человѣковъ и Всевѣдніе Божіе, простирающееся на дѣла и намѣренія наши, удерживающъ обидчика и утѣшающъ обиженнаго, хоша бы въ человѣческихъ законахъ не находилось средствъ обуздашь перваго и защитишь послѣдняго; но *Богъ видитъ, кто кого обидитъ* — *Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ* — *Отольются волку коровы слезы*. Такъ какъ богачье и сильныя обидливы (*Мужикъ богатый, что быкъ рогатый*): шо пословица и напоминаешь имъ, что и они люди: *Не обижай голяка!* у голяка такая же душа — *Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ*; попому что, прибавляешь старая пословица: *Убогаго слеза жидка, да пдка*. Къ уваженію священнаго права собственности относятся слѣдующія: *Чужимъ не наживешься* — *Неправедное собраніе крахъ*, и пр. Представляя обыкновенно

не столько начала, сколько послѣдствій пороковъ и злодѣяній, поговорки опечесшвенныя разишельно изображаютъ дѣйствія злобы и зависти на жизнь: *Во млыхости и зависти нѣтъ ни проку, ни радости*, и пр. Какъ клевета (напраслина) и злословіе нарушаютъ счастье ближняго: *ибо и въ напраслинѣ, что въ дѣлѣ люди погибаютъ, коли къ нимъ грѣхъ чужой прикидываютъ*: но должно быть оспорожнымъ въ словахъ: *Слово не стрѣла, да пуще стрѣлы, или Слово не воробей, вылетитъ, не поймашь*. см. еспр. 25. Презришельными и гнусными казались Рускимъ наушничестве и переносы вѣстей изъ дома въ домъ, или шушки, но выраженію одного изъ нашихъ пошловъ, пресшодушная клевета, какъ видно изъ слѣдующихъ поговорокъ, согласныхъ съ усшавами Нравшвенности: *Наушника никто не почитаетъ, а лукаваго всякъ бранитъ — Кто переноситъ вѣсти, тому не дѣлаетъ чести*. Но какъ и самыя невинныя шушки часщеннѣюще виновныя слѣдствія — *Шутки хо-*

Дятъ въ шубнахъ: шо забопливые предки наши сшарались и объ ешомъ предупредишь попомковъ своими замѣчаніями: *Шутки шуты, а людѣми не муты — Шуты, да оглядывайся — Шуты до тлѣхъ поръ, пока краска въ лице не войдетъ,* и пр.

Обязанности справедливости шребуяшъ благодарности и воздаяніа опъ шого, кшо получаетъ одолженіа и благодѣянія; пошому что признашельность основываешся на уваженіи къ человѣчеству въ самомъ себѣ и въ другихъ, какъ въ нравшвенныхъ сущешвахъ за нравшвенныя ихъ дѣянія. Благодарность цѣнится выше благодѣянія пословицей: *Спасибо тому, кто поитъ, да кормитъ, а вдвое тому, кто хлѣбъ соль помнитъ.* Если благошвореніе изъ личныхъ выгодъ шержецъ цѣну свою: шо уклоненіе себя опъ ешой добродѣтели подъ предлогомъ неблагодарности людской, что *Не вспоа, не вскорма, не видать ворога,* ешь удаленіе опъ цѣли бышнія, кошорая заключаешся въ добрѣ. Посему пословицы ушѣшаюшъ въ неблагодарности людей: *Дѣлай добро и жди добра, и Сдѣлавши добро,*

явнось; по сему Руское Нравоученіе, согласно съ св. Писаніемъ, гордыхъ называетъ прошивниками Богу и безразсудными: *Гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ — Горду быть, елымъ слыть.*

Крайность доброты есть вредное пошворство и послабленіе порокамъ и преступленіямъ; пошму оказывашъ болѣе снзхожденія и любви, нежели сколько пребуютъ обязанности и опношенія общественной жизни, къ людямъ безъ всякаго нравственнаго достоинства, злодѣямъ и порочнымъ, есть виновное равнодушіе къ нравственному достоинству человека, посягательство на справедливосшь. Пошадю злодѣевъ обижающа чеспные люди, и попускающій зло дѣлается. учасникомъ въ ономъ. *Ато злымъ попускаетъ, тотъ сямъ зло творитъ, или Вера милаетъ, добраго погубитъ.* Въ знакомъ епископѣннѣ нѣкогда упрекало Духовенство наше В. К. Владимира, по свидѣтельству нашихъ льшописцевъ.

Какъ нравственный порядокъ необходимъ для жизни сѣмейной и общественной: по чело­вѣкъ долженъ исполнять обязанно­сти, связующія частное его благо съ общимъ; онъ сушь: праводушіе, вѣрность и честность въ словѣ и дѣлѣ, и терпѣніе. См. спр. 129.

Если, по пословицѣ, *Всякая неправда грѣхъ* и если чело­вѣкъ несправедливый склоненъ ко всѣмъ порокамъ: по ковар­ство, ложь, лицемеріе противны добро­совестности. А какъ всякое дурное дѣ­ло, по непремѣннымъ усщаванъ Источника правды, имѣеть гибельныя слѣдствія для виновника: по *Кто неправдою живетъ, того Богъ убьетъ — Въ правдѣ Богъ помогаетъ, въ неправдѣ Онъ же запи­наетъ — Злой чело­вѣкъ не проживетъ въ добрѣ вѣкъ — Богъ его попутаетъ.* Основаніе правды полагается въ добрѣ слѣ­дующею пословицей: *Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало — и Не ищи въ другихъ правды, если ее въ тебѣ нѣтъ.* Но шакъ какъ *Всякъ правду любитъ,*

да не всякъ ее скажетъ, и Правда глаза колетъ: — Великимъ правду говорить, не легче лжи — Правду говорить, себѣ досадить.

Пословицы Рускія полагають слѣдствіями лжи вредъ, грѣхъ, спыдъ и упрашу довѣренности общественной, какъ основанія взаимныхъ связей и средства для доспихенія нравственнаго счастья въ жизни. *Кто правды не скажетъ, тотъ многихъ свяжетъ.* Если ни чѣмъ сполько не укрѣпляется сила совѣсти, какъ справедливостию: за шо ни чѣмъ сполько не ослабляется, какъ обманомъ, хоша бы онъ прикрывался личиною вѣжливости и приличія, или ухищренными извиненіями порока и пресшупленія, или искусною клеветой на ближняго, или ушонченнымъ злословіемъ — обманщикъ все предъ людьми шрусъ, а предъ Богомъ наглець; онъ разрываетъ связь свою съ обществомъ человѣческимъ; ибо всякая умышленная ложь есть обида не сполько для обмануемыхъ, но и оскорбленіе для всего человѣчества — она сполько пог-

да допускаешься, какъ неправда для правды и добра, когда пребуешь штого высшая должностъ справедливости; въ противномъ случаѣ: *Гдѣ видѣнь путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой*, ш. е. гдѣ можно и должно достигнуть нравственнѣйшей цѣли истиною, тамъ не упошребляй лжи и коварства. Сколь презрительнѣе былъ ешопъ пороку у Рускихъ, видно изъ слѣдующихъ ихъ пословицъ: *Со лжи люди не мрутъ, да впрѣдъ имъ вѣры неимутъ — Кто охотъ лгать, того нельзя за друга принять — Лгать, такъ люди обгяты — Молодому лгать вредно, а старому не потребно* (п).

Если и ведутся пословицы: *Люди лжѣ, и мы тожѣ, шакже люди неправдою живутъ, и намъ не трескуть вѣтъ*; шо болѣе въ свойственнѣйшѣмъ духу Рускому насмѣшки надъ лжецами, или соснаваляющѣмъ увершливѣмъ ихъ навиненѣмъ, нежели правила или черныя характера Рускаго на-

(п) *Moralische Sprichwörter der Deutschen.* Salzbergst. 1822.

рода, въ коемъ шолько похвальба и сродное ему шщеславіе могло произвеспи поговорку: *Красно поле рожию, а рчь ложью* и подобныя ей.

Неизмѣненіе своему ближнему ни словомъ, ни дѣломъ — еспь вѣрносшь, союзница чеспносши. Если ввѣренная намъ шайна подобна сокровищу, опданному на сбереженіе: *ню кто открываетъ тайну, тотъ поубллетъ вѣрность*, ш. е. нарушаешь вѣрнось и чеспносшь, важнѣйшія для общесшва человѣческаго добродѣтели и познаваемыя шакже въ исполненіи даннаго *слова*, кошорое для чеспнаго человѣка еспь *законъ и клятва* — *Слово законъ, держись за него, какъ за ко.тъ*. Сшоль дорожили Рускіе своимъ обѣщаніемъ, что сказанное почишали какъ бы сдѣланнымъ и для сего совѣщывали напередъ обдумывать — *крѣпиться*, или говоря ихъ же рчьми: *До слова (не давши слова) крѣпись, а давши слово, держись*. Твердосшь духа и посщоянсшво служащъ основаніемъ чеспносши въ словѣ и дѣлѣ, шакъ равно и про-

чимъ добродѣтелямъ, кои не могутъ обойтись безъ ешой опоры. Съ ними соединена умѣренность въ справахъ, кошорая руководствуетъ къ благоразумному употребленію благъ жизни и къ великодушному перенесенію бѣдствій, неизбѣжныхъ въ земной доли испытаній. Истинный умъ пославляешся пословицей въ добръ и въ умѣнь шерпѣшь: *Кто умѣнь, тотъ умлетъ и безвременье терпѣть, а Кто собою не управитъ, тотъ и другаго на разумъ не наставитъ*, ш. е. кшо собою не умѣетъ управляшь, шощъ не можешъ содѣйствовать ни своему, ни другихъ спасенію, кошорое создается умомъ здравымъ и сердцемъ чистымъ сколько, сколько дозволишь. Провидѣніе для цѣлей здѣшней жизни.

Разсматривая въ разныхъ отношеніяхъ нравственныя пословицы Рускаго народа, болѣе замѣчаемъ въ нихъ направленія къ Вѣрѣ, кошорая замѣняетъ у него Философію; ибо онъ все добро и истину полагаетъ въ Богѣ; что видно изъ многихъ его посло-

вицъ. Немногія исключенія и частныя случаи, выраженные пословицами, не опровергають общихъ основаній Правосвенности въ духъ Хрістіанскомъ, кошорая если укрѣпится и распространится въ народъ просвѣщеніемъ, соразмѣрнымъ съ его нуждами и отношеніями: то шѣмъ самымъ болѣе возвысится самородныя его добродѣтели и счастливыя дарованія, ослабится дурныя его свѣйсхва вмѣстѣ съ испребленіемъ вредныхъ предрасудковъ и заблужденій — и Рускіе съ Православною Вѣрою подѣ опеческимъ Правленіемъ вѣрнѣе исполнятъ великое свое предопредѣленіе въ мірѣ шѣми великими средствами, и внѣшними и внутренними, какими надѣляло ихъ Провидѣніе.

К о н е ц ъ П ѣ К н и ж к и.

Замѣчанія Гна Арцыбышева на 1 часть сей книги.

- стр. 41 „и производа“, послѣдующее безъ предъидущаго: вѣрно опечашка, вмѣсто *и производитъ*, или *И* шумъ лишнее.
- стр. 51. „Связи съ Германіей посредствомъ Ганзейскаго союза съ XIV вѣка“; не съ XII ли? См. Исслѣдованія Лерберга (СПБ. 1819 г.) стр. 220 и договоръ Мстислава въ Собр. грам. и догов. II. N. 1.
- стр. 53. „Зубъ за зубъ“, кажешся мнѣ, шо, что у охошниковъ *зѣвъ съ зѣвъ*, ш. е. когда собаки, бросаь одна на другую, смыкаюшь рыло съ рыломъ и заѣвваюшь взаимно *зубъ за зубъ*.
- стр. 54. . . . „не вышашушь“, по моему, не *достанутъ*; „прошагивай“, по моему, *тани*.
- стр. 81. Подобный подобнаго любить“, а бы перевелъ вошь какъ: *Кожа кожъ спаровитъ*.
- стр. 83. „Трудно прошивъ рожна праши“, значить по моему: *Плетью обуха не переклотишь*.
- стр. 84 „Въ Царствѣ слѣпыхъ кривой Царь“ или *У слѣпыхъ и кривой — Король*.
- стр. 95. „Худой“ . . . „брани“; создашь говорять еще: *Худая столпка лучше добраго похода*.
- стр. 96. „Всякъ своему враву работаешъ“; по Русски: *Всякъ молодецъ на свой образецъ*.
- стр. 98. Къ „на совѣшъ“ . . . „погоди“, при-
совокупилъ бы одинъ мой знакомый: *Вотъ яма, стой прямо!*
Видя яму не вались, не званъ на пиръ не ходи.

- стр. 101. „Собаку съѣлъ“, значить у нихъ
очень *искусенъ*, или *очень опытенъ* въ чемъ
либо, или очень дерзокъ.
- стр. 125. „Пропалъ какъ Шведъ подъ Полша-
вою“; Великороссіане говорятъ еще: *Онъ*
пропалъ какъ Шведъ безъ масла.
— „задашь кому баню“; у насъ говорятъ
еще *задать кому перцу*, ш. е. оскор-
бить, или наказашъ чувствительно.
- стр. 142 „При истребленіи послѣдняго Княже-
скаго удѣла В. К. Іоанномъ III“, несправе-
дливо: ибо послѣдній Княжескій удѣлъ, ш.
е. Рязанскій, *истребилъ* Великій Князь
Василій IV Іоанновичъ въ 1516 (Індикціон-
номъ) году зимою, см. Арханг. Лѣт. стр. 490.
- стр. 144. „Конь о четырехъ“, пропущено *но-
саяхъ*; вѣрно *опечашка*.
- стр. 158. „Добрая голова сто головъ кормишь“,
противоположность: *въ добрую голову сто*
рукъ.
- стр. 159. Къ „въ Москвѣ шолшо звоняшь“...
На брюхъ-то шолкъ, а въ брюхъ-то
щолкъ.
- стр. 160. „Повадился кувшинъ... значить по моему:
*Дурная страсть, или привычка навле-
четъ погубель*.
- стр. 161. „Говори на волка, говори и по волкъ“,
ш. е. (по мнѣнію моему): *Не охуждай*
кого либо совершенно; но показывай и
добрыя его стороны.
- стр. 163. „Троповъ“, вмѣсто *тропы* „посло-
виць“, вмѣсто *пословицу*, вѣрно *опечатка*.

Прибавленіе ко 2 Части.

спр. 73. Друзья, у Морлаковъ, соединенные симъ торжественнымъ обрядомъ, называюща *побратимы*, а подруги *посестримы*. Нынѣ дружба двухъ особъ одного пола не заключается съ такими обрадами, какъ шо бывало въ древнія времена, когда еще невинность царшвовала на земли.

Подобныя союзы, существующіе у народовъ въ Италіи подъ именемъ *клятвенныхъ братьевъ* (*Frateli giurati*), кажешся, введены въ подражаніе дружескимъ союзамъ Морлаковъ и другихъ соплеменныхъ имъ народовъ. Различіе между сими *братьями* и *побратимами* состоишь не въ одномъ недоставкѣ обрядовъ, но болѣе въ цѣли, къшорая весьма похвальна у Славянскихъ племенъ, а напрошнѣяшюго, въ Италіи вредна для общесшва.

Въ сихъ союзахъ Морлаки обязывающа помогашъ взаимно другъ другу во всѣхъ нуждахъ, во всѣхъ опасностяхъ, и мшшишь за оскорбленія, нанесенныя кому нибудь изъ друзей. Они шшодь свяшо соблюдающъ сии обязанности, что гошовы жершвовашъ, и жершвуютъ на самомъ дѣлѣ жизнью за своего *побратима*. Сии жершвы дружесшва весьма у нихъ нерѣдки, хотя о сихъ дѣлкахъ друзьяхъ менѣе говорашъ, нежели о древнихъ Пиладахъ и Дамонахъ. Если какое либо несогласіе водворишь между двумя *побратимами*: шогда все сосѣдство почишаешъ сіе за неслыханный соблазнь.

Соревн. просв. 1818; N 10.

Въ заключеніе сей части сочинитель обязаннмъ себя счищаетъ изъяснить искреннюю свою признательность за доспавленіе ему благонамѣренныхъ замѣчаній и любопытныхъ дополненій, кои онъ не преминетъ воспользоваться, сколько позволитъ планъ и пространство сочиненія — слѣдующимъ особамъ :

Изъ *Рима* отъ С. Н. Шевырева.

Изъ *Рязани* отъ Д. Т. Воздвиженскаго.

Изъ *Нерехты* отъ М. Я. Діева.

Изъ *Брянска* отъ И. В. Вепрейскаго.

Изъ *Харькова* отъ Г. Ф. Квишки.

Изъ *Вильны* отъ Н. Н. Лобойки.

Изъ *С. Петербурга* отъ В. Г. Анастасевича.

П О П Р А В К И.

стр.	строк.	напечат.	читай.
37.	12.	взычаи	звычай
54.	5.	обычаи ,	обычай
58	10.	начало новаго лѣта	новый годъ
73.	6.	братотвореніе	зобращаиство
Къ 96 стр. 9 прибавишь :			въ Москвѣ рынокъ.

на 100 — къ прим. о, прибав. *βαλλω*,
кидаю , полагаю , лью ,

Ладуга.